

ВЯЧЕСЛАВ СОФРОНОВ

ОИБИРИАДА

Хан
с лицом
странника

Сибириада. Собрание сочинений

Вячеслав Софронов

Хан с лицом странника

«ВЕЧЕ»

1995

Софронов В. Ю.

Хан с лицом странника / В. Ю. Софронов — «ВЕЧЕ»,
1995 — (Сибириада. Собрание сочинений)

ISBN 978-5-4484-7083-7

Прошли уже многие годы после поражения династии рода Тайбуги. В столице Сибирского ханства, Кашлыке, властной рукой правит хан Кучум. Но жив князь Едигир, который уходит далеко на запад и волею судьбы принимает православие. А меж тем хан Кучум, окрепнув, заручившись поддержкой соседних князей, набирает отборное войско и тайно готовится к войне с Москвой. Вторая книга трилогии известного сибирского писателя Вячеслава Софронова не только продолжает первую – «Путь диких гусей», – но идет дальше, раскрывая все новые и новые действия того времени, подводя читателя к главнейшему событию XVI столетия – присоединению Сибири к России.

ISBN 978-5-4484-7083-7

© Софронов В. Ю., 1995
© ВЕЧЕ, 1995

Содержание

Часть первая. Хан с лицом странника	6
Кереш[1]	6
Илчелек[2]	9
Ярсулы – Яростный воин	22
Обретение веры	34
Ябалак – Серая сова	47
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Вячеслав Юрьевич Софронов

Хан с лицом странника

© Софронов В.Ю., 2018

© ООО «Издательство «Вече», 2018

* * *

Андрею и Юрию, сыновьям моим, посвящается

Часть первая. Хан с лицом странника

Кереш¹

Нет в Сибири более драгоценного зверя, чем Соболь. Ни Лиса, ни Бобер ни даже царственный Горностай не могут соперничать с ним по уму и хитрости. Он – самый мудрый. Он – самый гордый. Он – самый трудолюбивый из всех сибирских зверей.

Нет у него той силы, как у могучего Медведя.

Нет у него удачливости Лисицы.

Нет терпеливости Рыси.

Нет таких клыков, как у Волка.

Нет чуткости Зайца.

Нет мудрости Бобра.

Но он – Соболь.

Его и только его почитают за главного зверя люди земли Сибирской.

О нем поют в своих песнях охотники этой земли.

Он – мозг Сибирской тайги.

Он – ум Сибирской тайги.

Он – душа самого прекрасного из сотворенного Богом на Земле края.

Он знает, что происходит в любом уголке Сибирского царства.

Он – царь царей Сибирских. Он – воин. Он – отец этой Земли.

С берегов теплых морей, из жарких пустынных стран, из полуденных мрачных земель спешат в Сибирь люди торговые, чтобы поклониться ему. Везут серебро и драгоценные камни, китайский шелк, фарфор и восточные пряности, бледнолицых красавиц, лишь бы стать друзьями, удостоиться внимания царя Сибирского – Соболя.

Всех принимает он, всех жалует и благодарит за любовь и почитание. Никто не возвращается обратно без даров его царских.

Идет молва о нем по всей земле: славят его все языки и народы и поклоняются ему, сибирскому Соболю.

Он – хозяин земли.

Он – ключ этой земли.

Он – богатство Сибирской земли.

Каждую зиму Аучы-охотник уходит в лес ставить ловушки на зверя, силки на птицу, встретить сохатого в глухом тумане. Один уходит в лес Аучы-охотник и всю зиму, пока снег не потяжелеет, не начнет постанывать, оседать на землю, не набухнет, как баба на сносях, живет он там. Ходит Аучы-охотник от дерева к дереву, от сосны к ели, от березы к осине по узким тропам идет и следы зверя глядит, читает, счет им ведет. Все-то он знает, ведает в лесу: сколько зайчишек горькую осинку обглодали, сколько тетеревов-косачей почки на ольхе лушили, сколько волков серых зубами в глухом лесу щелкают, мокрыми носами добычу чуют.

И уж доподлинно знает Аучы-охотник, где царственный зверь Соболь ходит, живет, в каком дупле он себе жилье облюбовал, выбрал. Подойдет он к дуплу, поклонится низко, шапку снимет, попросит: «Покажись мне, господин Соболь-Кеш. Доставь удовольствие видеть твой царственный лик!»

¹ Кереш – вступление.

Выглянет из дупла Соболю-Кеш, сверкнет черными бусинками глаз, пошевелит длинными усиками, кивнет охотнику царственной головкой и обратно в дупло скроется. Попрощается с царем зверей Аучы-охотник и путь свой продолжает по зимнему лесу дальше зверей считать, наблюдать.

Весной принесут звери к его избушке собранную дань-оброк, сколько Аучы-охотник унести сможет. Попрощается он с лесом-урманом до следующей зимы и в родной улус спешит, где жена и дети малые его давно ждут, поджидают.

Так всегда было. Столько зим, сколько человек на земле жил и поклонялся Великому Соболю. Но однажды пришел Аучы-охотник по первому снегу в лес-урман и сколько ни ходил, а не нашел ни единого следа царя зверей. Ушел Соболю-Кеш от него и весточки о себе не оставил. Заплакал Аучы-охотник, прибежал домой и спрашивает у отца, слепого старца: «Почему ушел от меня Соболю-Кеш? За что обиделся? Чем не угодил я ему?»

И отвечал ему старец-слепец: «Хоть глаза мои давно не видят свет солнечный, но разум пока исправно мне служит. Ушел от тебя Соболю-Кеш потому, как срок пришел ему другой лес-урман искать и тамошними зверями править. От верховного бога с самого сотворения мира так завещано. Не может царь зверей Соболю-Кеш долго в одном месте жить. По всей Сибири ждут его звери...»

– Сколько мне теперь ждать? – Аучы-охотник старца-слепца спрашивает, чуть не плача. – Вернется ли Соболю-Кеш обратно?

– Только Главный шаман ответит тебе. Он с верховным Богом беседу ведет. Его и спроси.

Аучы-охотник пошел Главного шамана искать. Тридцать дней ходил. Три пары лыж изломал, пока нашел. Шаман на высокой горе сидит, что до облаков достает. Только пятки ног его больших видно. Говорит он Аучы-охотнику: «Знаю, зачем пришел ты. Соболя-Кеш ищешь. Не найти тебе его. Ушел он в мир, что людям простым видеть его не дано. Иди обратно домой и жди, когда он сам пожелает снова вернуться».

Поплелся Аучы-охотник обратно, слезы рукавицей смахивает. Вернулся, ждать стал, когда царь сибирских зверей к нему в лес-урман пожалует. Много зим ждал, но так и составил, умер, а не дождался. Сын его прожил столько, сколько положено от верховного Бога на земле жить. Тоже умер. Внук Аучы-охотника подрос, воином стал, а в лес не ходит, ловушки на зверей не ставит. Никто не научил его этому. Только однажды налетели на его улус враги-недрузи. Селение пожгли. Скот угнали. Люди едва убежать, в лесу укрыться успели, спрятаться. Сидят под толстой красной сосной, горькие слезы льют, как дальше жить, не знают.

Вдруг из соснового дупла выглянул зверь невиданный и говорит людям тем: «Услышал я про вашу беду-горе и обратно вернулся. Живите в моем лесу, как деды ваши жили. Ведите счет зверью лесному, и будут они вас каждую весну оброком-данью одаривать, сколько вам того требуется».

Догадались люди, что был то сам Соболю-Кеш, царь лесных зверей. Построили они в глухом урмане-лесу избушку, стали там жить, по тропам звериным ходить, ловушки ставить, порядок в лесу поддерживать. Через короткий срок не было во всей земле Сибирской более могущественного народа. Едут к ним отовсюду купцы-менялы, караваны от теплого моря из стран поднебесных, спешат царю зверей Соболю поклониться. Идет о нем слава по всей земле, и славят люди Соболя – царя зверей. И пока правит он Сибирью, то будут жить счастливо люди самого прекрасного из сотворенного Богом на Земле края и повторять:

СО – творил

БОГ

Лю – бовЬ

и мы

ЕГО

дети.

ПРАВИЛА ДЛЯ ПОСЛОВ

После того как в Европе приняты решения, происходит отправление послов.

Пусть он узнает, размеры государства и крепостей и пусть собирает сведения о драгоценностях, средствах к пропитанию, об охране и слабых сторонах. Места для расположения своих войск и войск врага, для сражения и отступления их, пусть он наблюдает.

Допущенный в чужую резиденцию пусть войдет в нее. Пусть произнесет царское послание, как оно ему сказано, даже если предвидит опасность для жизни. Пусть он замечает, есть ли в речи, лице, взгляде врага благожелательность к нему, уважение к его речам, сажают ли вблизи царя, оказывают ли ему почести, считаются ли с его желаниями, проявляют ли доверие к нему.

Из древнего восточного манускрипта

Илчелек²

Кучум не верил никому... Так жили его отец и дед – и все, кому суждено править миром. Он не верил своим женам, их многочисленным родичам с глазами голодной лисицы. Подрастет сын, родятся другие дети, и ему придется делить меж ними все, что завоевано, свезено, увязано железной рукой его ханской воли. И делить надо будет так, чтобы сильному досталось по силе, а слабому – по слабости. На выносливую лошадь и грузят больше, и везет она дольше. А слабого мерина держат до первого снега, чтобы снять шкуру и сварить в общем котле.

Уже несколько лет, трудных лет держал он свою ставку на ханском холме над своенравным Иртышом. Подрос первенец его, Алей, рожденный красавицей Самбулой, дочерью могущественного хана Ангиша. Малыш рос толстый и здоровый, со смуглой кожей и большими черными распахнутыми всему окружающему миру глазами. Он рано стал ползать, сбрасывая с себя пеленки, выползая из шатра под лучи хмурого сибирского солнца, норовя подобраться к костру, и плакал от боли, когда под маленькую ручонку попадал случайный уголек. Мамки с испугом бросались к малышу, дули на ожог, мазали маслом, боясь ханского гнева за недосмотр. Но Кучуму нравилось глядеть, как его наследник познавал новый для него мир. Потому он и не попрекал за недогляд, а наоборот, смеясь, хлопал себя по коленям, наблюдая за малышом.

Он часто брал Алея в свой шатер и долго там оставался вдвоем с непоседливым, рвущимся из рук мальчиком, желающим узнать все сразу и обо всем.

Потом он выносил Алея из шатра, опускал на землю, и тот, благодарно улыбнувшись большому и доброму существу, тут же улепetyвал на четвереньках, смешно прищепывая толстыми губами.

Кучум с грустной улыбкой смотрел вслед малышу и, оглаживая левой рукой мягкую бородку свою, в которой за прошедшую зиму появилось с десятков седых нитей, предвестниц зрелости и прошлых горестных испытаний. Он представлял сына скачущим среди воинских сотен, пригнувшегося к потертому седлу с зажатой и выброшенной вперед рукой навстречу ветру полоской стали. Ему не придется, подобно отцу, отвоевывать себе место под солнцем в этом мире и уходить с нанятыми на чужие деньги проходимцами в северные земли, не имея даже малой надежды на чью-то помощь и поддержку. Нет, он, хан земли Сибирской, направит его на запад вслед за движущимся по небу шаром солнца, по пути славных ханов Золотой Орды, чтобы вернуть утраченные некогда земли и пастбища.

Как перелетная птица летит от зимней стужи в теплые края, чтобы, едва обозначатся забереги, на северных озерах вернуться обратно, так и степняк, подобно дикому гусю, уходит на зиму в неохватные человеческому взгляду степи, распрягает боевых коней до следующей весны. Коням и то нужен отдых, чтобы, вдыхая широкими ноздрями стылый воздух степей, почувствовать себя дикими существами, не подвластными человеческому окрику и не боящимися свиста ногайки; им нужно забыть запах крови, дым пожарищ, людской, жуткий рев во время сечи. И коням нужен отдых...

Кучум с полуприщуром, собрав вокруг глаз немногие пока морщинки, вдыхал приятный дымок костра, куда время от времени работники подбрасывали охапки полыни и иструхшей березы, отпугивая ненасытные полчища комаров, ищущих непрестанно свою жертву и днем, и ночью. Хан смотрел на первенца, а сам считал годы, которые отпущены ему для короткого роздыха, собирания и скапливания сил, сколачивания новых сотен.

Так степной вольный жеребец не может оставаться долго на одном пастбище и, умяв сочную траву твердыми копытами, вдруг вскинув высоко вверх голову, призывно заржав, бросается, выставив вперед мощную грудь, в заросли тугой зеленой травы, больно хлещущей по

² Илчелек – посольство.

бедрам. Вдавливая копытами землю, перекатывая мышцы под лоснящейся кожей от шеи к крупу, задрав голову, в бешеном галопе он прокладывает тропу для всего табуна, уводя его с вытопанного куска земли на новый. И никто даже из опытных пастухов не может предсказать, когда вожак, уловив широкими ноздрями свежий ветер, кинется наперерез ему в голубеющее марево степи.

Только дай волю неумному жеребцу, и он уведет, утянет весь табун, безжалостно гоня и жеребых кобылиц, и малолеток, всего неделю сосущих матку. Они, выбиваясь из сил, тянутся вслед за табуном, вскидывая голову на тонкой, еще не окрепшей шее вверх, жалобно зовут матерей и отстают, теряются меж диких трав и речных излучин, становясь легкой добычей волчьих стай.

Яростный жеребец в своем порыве безжалостен к слабому и лишь этим сохраняет свою породу, свою кровь, передавая семя самым выносливым кобылам и загоняя неистовой скачкой старых, по многу раз ожеребившихся маток, бросая их, одиноких, посреди степи с бешено бьющимся сердцем и тоской в угасающем зоре.

Лишь иногда вожак останавливает свой бег, услышав призывное жалобное ржание молодой кобылицы, не желающей бросать сосунка-первогодка, заблудившегося меж высоких трав. Мать, зная, что погибнет вместе с жеребенком, отстань она от общей массы слитых как бы в одно целое летящих тел, не может противиться древнему голосу материнства, поворачивает к упавшему на землю малолетке, громко трубя и прощаясь с распластавшимся по степи табуном.

И услышав голос, который год назад призывал его, вожака, своей молодостью и страстью, узнавал его, пробуждая острый вкус запаха течки и сладострастия, жеребец поворачивал обратно к неутешной молодой матери и сгустку своей жизни, явившемуся на свет карим или вороным, чтобы дать ему последнюю попытку подняться, нагнать свой табун. Но упади, отстань жеребенок во второй раз, и вожак не повернет, бросит его без жалости. Ибо таков закон Степи.

Но вырастет жеребенок, окрепнет и загрызет, забьет в первой же схватке бывшего вожака, отогнав от молодых кобылок, и уже сам покроет всех до единой и помчит табун, ни на миг не приостановив стремительный бег, оставив старика в одиночестве с костлявой смертью.

А тот и не попросит о снисхождении, хорошо зная закон Степи. Лишь вытянет голову, чтобы лучше видеть исчезающий табун в знойном мареве тяжелого, душного воздуха.

И Кучум знал древний закон Степи. Не им он придуман и не ему менять его. Ему нужен был молодой и решительный преемник, сильный и злой воин, который сможет сохранить род, дать новую жизнь десяткам таких же безжалостных сыновей, пришедших в этот мир для борьбы, чтобы все брать силой и только силой.

Таков закон Степи.

Таков закон Жизни.

Такова сама Жизнь.

Кучум смотрел на первенца и где-то в глубине мыслей отдаленно угадывал сожаление к самому себе, к тому времени, когда не сможет вести сотни и рубить врагов так же легко и ловко, как делал это всю жизнь. Легко и без жалости. Без жалости и легко...

Прошло то время. Сладка жизнь, как сладко первое опьянение, первая женщина, первая пролитая кровь. Потом приедается все: и вино, и женщины, и враги. Ничто не веселит, не греет, и каждый новый день несет не радости, а заботы. Заботы о следующем дне. И в этом – вся жизнь. И никто не предложил чего-то другого...

* * *

Сегодня в Кашлыке праздничный день: из Бухары прибыли долгожданные послы, а вместе с ними и караван. Вон они стоят за стенами городка, и его воины меняют у купцов собранные с сибирцев драгоценные меха на оружие, пряности, ткани. Бухарские послы пока отдыхают

после дальней дороги внутри городка. Их двое недоверчивых и опытных воинов с обветренными и мужественными лицами. Даже собственную стражу поставили у шатров, нанеся этим оскорбление ему, хану этой земли. Впрочем, он бы на их месте поступил точно так же.

С Бухарой у него долго не складывались отношения. После смерти его старшего брата, Ахмет-Гирея, верного подданного Абдулла-хана, в Кашлык никого не прислали. Чего-то выжидали, медлили. Верно думали, что ему ненадолго удастся задержаться на ханском холме. Но они ошиблись. В очередной раз ошиблись. Тогда он сам, спрятав гордость в кулак, направил бухарскому хану богатые подарки, которые сделали бы честь любому правителю. Зная жадность бухарских визирей, он не сомневался в успехе.

Целый год прошел, прежде чем посольство вернулось обратно. Ни с чем. Пустые и обобранные. Едва пробившись через отряды, разбойничающие на караванных тропах. Кудаш-бек, что ездил с грамотой от него, несколько вечеров пересказывал о своих злоключениях. До Абдуллы-хана его так и не допустили. Выманивали подарки, обещая доложить хану о прибытии послов из Кашлыка. Доложили? Аллах им судья. Абдулла сказывался то больным, то уезжал на охоту. И так целый год! Год просидеть возле ханского дворца и даже не увидеть полы его халата! Так Бухара указывала Кучуму на его место под солнцем. Да он и без них знает, кому что уготовлено Аллахом в этом мире! Ладно, они еще попомнят все унижения, выпавшие на его долю.

Кудаш-бек рассказывал, что в Бухаре беспокойно. В самой столице воинов почти не встречал. Верно, все они разосланы по границам ханства. Бухара очень редко жила без войны. К жирному куску всегда тянутся руки, и число их не уменьшается, а множится день ото дня.

Но самое главное, ради чего посольство Кудаш-бека имело смысл и не зря потрачены деньги, потерян год, – это сообщение о войне между Абдулла-ханом и Хакк-Назаром. За эту тончайшую ниточку и уцепился Кучум. Она должна помочь ему распутать бухарский клубок, открыть двери ханского дворца.

На следующее лето в ставку Хакк-Назара он отправил хитрого Карача-бека. Но без грамоты. Зачем рисковать. Он все должен был передать тому на словах. Враг моего врага – мой друг. Карача-бек гнал впереди своего посольства табун степных кобылиц, позаимствованных Кучумом у тестя, хана Ангиша. Лучше подарка и не сыщешь.

Карача-бек вернулся поздней осенью, иссеченный степными ветрами, и с добрыми вестями. Хакк-Назар приглашал сибирского хана принять участие в набеге на гордую Бухару. Этого-то и надо было Кучуму. Конечно, сам в набег он не пошел, но отправил по весне две сотни своих нукеров к вновь обретенному союзнику. Сотни вернулись с богатой добычей и почти без потерь. Правда, и на этот раз Бухара выстояла, отразив удар. Но на ее щите появилась огромная трещина, и трон Абдуллы-хана значительно накренился.

Через небольшой срок под стены Кашлыка пришел небогатый купеческий караван. Ничего особенного в нем не было. Обычный караван, обычные купцы. Но караван-баша, приглашенный к ханскому шатру, как бы между прочим, обмолвился, что бухарские визири недоумевают, отчего не приезжают более из Кашлыка послы для встречи с Абдулла-ханом, его давним другом.

Вот так. Абдулла, оказывается, давний его друг! Кто бы мог подумать, что у него, Кучума, есть друзья в Бухаре?! Что ж, от такой дружбы грех отказываться.

И опять пошли послы в далекую Бухару. На этот раз посольство возглавил Карача-бек, для которого, казалось, не существовало ничего невозможного. Если Кучум не верил ни одному из своих беков и мурз, то Карача-бека он не верил втройне. Но именно он был способен уладить дела с Бухарой.

Карача-бек вернулся с удачей. Ему в отличие от Кудаш-бека не пришлось провести бесполезный год в Бухаре. Двери ханского дворца открылись перед ним, едва он успел смыть с себя грязь от дальнего перехода. Его везли во дворец на белом скакуне, покрытом красным

ковром. Он был удостоен поцелуя полы халата Абдуллы-хана. Ему были оказаны знаки внимания, как послу знатного государя. С ним из дворца Абдуллы-хана отправили милостивую грамоту Кучуму с приглашением в Бухару. Отныне он признан равным среди равных. И вот сегодня на ханском холме состоится пир в честь бухарских послов. Сегодня должно случиться то, к чему он шел столько лет. Да, он добился своего. Наперекор всем и против их воли. Сам! Своей волей!

* * *

Кучум ощутил холодок, пробежавший по телу, и зябко повел плечами, похлопал широкой ладонью по груди, прогоняя чувство тревоги.

Снаружи в шатер просунулась голова юзбаши Чегулая, ведающего ханской стражей.

– Мой господин, – почтительно сообщил он, – послы проснулись и совершают утренний намаз.

– Хорошо. Поставь в ряд две сотни от их шатров к моему. Проверь, чтобы все воины в исправных доспехах были. Чтобы зверем смотрели на гостей, но и с почтительностью. Понял?

– Все понял. Сотни ждут сигнала. Что еще?

– Кликни Карача-бека. Пусть придет.

Голова юзбаши исчезла. Послышались негромкие крики, топот, бряцание оружия. То строились сотни для почетной встречи гостей. Полог шатра вновь откинулся, и Карача-бек остановился перед ним, чуть наклонив голову. Он умел это делать: наклонить голову ровно настолько, как подобает приличию предстать перед господином, однако ни разу (ни разу!) он не поклонился, как то делали все остальные беки и мурзы. Знает себе цену, ох, знает!

– Все готово? – спросил Кучум, не выказывая легкого раздражения, что овладевало им каждый раз при разговоре с умным и хитрым визирем.

– Еще вчера все было готово, мой хан, – ответил тот, как бы подчеркивая свою расторопность и одновременно давая понять, что проверять его излишне.

«Может показаться, что я здесь совсем ни к чему», – подумал Кучум, сверля визиря пристальным взглядом. Но вслух мягко обронил:

– Ты, как погляжу, всю жизнь только и делал, что послов принимал.

– Каждая птица свое место в стае знает, – ответил, как всегда, иносказательно визирь. Но Кучум заметил, как дернулось его плечо, что тот обычно тщательно скрывал, как и свою хромоту, усилившуюся после ранения.

– Смотри, как бы наши нукеры не перепились. Перед послами-то.

– Можно подумать, пьяных они не видели. Иду, – как равному кивнул Карача-бек и, мягко ступая, вышел из шатра.

– Верно, скоро мне придется ему кланяться, – плюнул в сердцах Кучум.

Еще несколько лет назад он бы самолично подпалил своему визирю пятки на костре за такой поклон. Но время меняет людей. Изменило и его. Да и после смерти Алтаная не стало у него более близкого человека, нежели Карача-бек. Близкого только по делам, но не по душе. Тягостен удел правителя...

Меж тем завывали карнаи, им вторили зурны, слышались глухие удары в нагары³. Кучум привычно положил левую руку на рукоять сабли и вышел из шатра.

Зрелище, открывшееся перед ним, зачаровало даже его. Никогда прежде ханский холм не был столь богато и торжественно украшен, не слышали окрестные леса столь громкой музыки.

На всех башнях городка висели разноцветные флажки и знамена, перекрещенные длинными хвостами бунчуков. Дорога от посольских шатров до его, ханского, была устлана цве-

³ Нагары – музыкальный инструмент типа литавр.

тастыми восточными коврами, вдоль которых застыли две сотни отборных воинов в блистающих на солнце доспехах. Внизу мягко светились иртышские воды, а небо окаймляли узорчатые белые облака, делая картину законченной и праздничной.

Увидев своего хана, воины выхватили сабли из ножен и отсалютовали ему. Кучум в ответ взмахнул клинком и так застыл, олицетворяя собой власть и победу. Две сотни сабель ударили о стальные щиты враз, одновременно. Оглушительный звон стали обрушился на послов, вздрогнувших от неожиданности, докатился до темного ельника. Те невольно оглянулись назад, словно и в лесу скрывались воины.

Кучум одобрительно улыбнулся, кинул клинок в ножны и встал неподвижно в ожидании. Застыли и две сотни отборных нукеров его, зверски поблескивая глазами на послов и щеря крепкие белые зубы в усмешке. Львы, не воины!

Послы, сопровождаемые едва заметно прихрамывающим Карача-беком, быстро ступая, пошли навстречу ему, стремясь поскорее пройти меж зверем глядевшими нукерами. Осталось всего шагов пять, когда Карача-бек внезапно остановился и отвесил хану низкий поклон.

– Достопочтенный хан Сибирской земли, владыка среди владык, – подобострастно заговаривал визирь, – великий среди великих, сильнейший среди сильнейших, столп веры правоверных всей земли, доблестный воин и храбрейший среди храбрых, дозволю представить тебе послов от владыки ханства Бухарского досточтимого Абдуллы-хана.

Он сделал паузу и отступил назад, передавая слово для приветствия прибывшим послам. Вперед выступил один из них, по возрасту – ровесник Кучума, но более сухой и темный лицом с пронизательными глазами царедворца и вкрадчивым мягким голосом.

– Наш великий хан поздравляет тебя с воцарением в Сибири и желает долгих лет и доброго здоровья. Хан Абдулла шлет тебе свою грамоту и приглашает приехать на священную землю Бухары, посетить его и доставить радость. – С этими словами он протянул большую, свернутую в трубку грамоту со свисающей сбоку огромной красной печатью, прикрепленной к самой грамоте золотым шнуром. Но не сделал и шага к нему.

Кучум не двинулся с места. То посол должен был возложить грамоту к его ногам. Но он не сделал этого! Значит, были особые распоряжения от Абдуллы-хана, сына лисицы! И тут он желает унижить его! Унизить... Унизить... Унизить...

Кучум молчал и не двигался. Не двигались и послы, с видимой почтительностью склонив головы. Желваки заходили на лице у Кучума, и он уже повел глазами в сторону охраны, чтобы скрутили наглых послов и бросили в яму. Они преступили все законы, проявив неуважение к хозяину этой земли! Они достойны смерти!

Неожиданно из-за спины послов вынырнул Карача-бек и протянул к ним невесть откуда взявшийся серебряный с позолотой круглый поднос.

«Под халатом, что ли, он его прятал?» – изумился Кучум.

Грамота легла на поднос и торжественно поплыла, несомая визирем к хану.

– Прими, достопочтенный хан, – Карача-бек опять согнулся до земли, протягивая поднос с грамотой.

Кучум легко подхватил тяжелый свиток, сломал печать и передал визирю.

– Читай всем, – сухо проговорил хан, почувствовав испарину на голове и предательски вспотевшие ладони. – «Едва не рухнули все надежды на мир и дружбу с Бухарой. Еще чуть, и случилось бы непоправимое. А каков визирь? Откуда научился всему? Он словно рожден для встреч и приемов. Нашелся». – С благодарностью подумал Кучум.

Ему вспомнились собственные слова: «Словно всю жизнь послов принимал». Так и есть. Равного ему просто нет и будут ли еще.

А Карача-бек громким голосом, легко выбрасывая из себя слова, читал грамоту, обращаясь в первую очередь к Кучуму и всем собравшимся на ханском холме.

Кроме слов дружбы, заботы о его ханском здоровье и приглашения посетить Бухару, ничего важного в послании не содержалось. Наконец чтение закончилось, и визирь все с тем же низким поклоном передал грамоту Кучуму. Он небрежно коснулся ее левой рукой и указал на свой шатер. Подскочил юзбаша Чегулай и, с поклоном приняв поднос с грамотой из рук визиря, понес в шатер. Но церемония еще не была закончена, хотя Кучуму хотелось как можно скорее остаться одному.

Вперед вышел второй посланец бухарского хана. Низкого роста, почти старик, с бородой, касающейся груди.

– Почтенный Темир-ходжа передает дары от нашего хана, – сообщил посол, вручавший грамоту, хлопнул в ладоши, и из-за его спины возник маленький, ростом с ребенка, человек в халате, волочившемся по земле, неся огромный кувшин. Коротышка, сделав два шага, опустил кувшин на землю. Медный кувшин, судя по всему, был довольно тяжел, его ручка и бока сверкали вправленными в металл большими зелеными камнями. Человек поставил кувшин возле ног хана и, низко поклонившись, уселся рядом на земле.

Кучум с удивлением поднял бровь, ожидая объяснений.

– Хан Абдулла посылает тебе благовония для тела, а также своего придворного бразилья, – пояснил Темир-ходжа, – отныне – он твой. Хан дарит лучшее из его бесценных сокровищ.

Следом за кувшином два дюжих воина поднесли к ханскому шатру кованный сундук и, поставив на землю, откинули крышку. Темир-ходжа запустил руки внутрь и извлек оттуда несколько свертков яркой материи. У Кучума зарябило в глазах от пестроты красок.

– Для твоих жен и наложниц, – пояснил Темир-ходжа.

Подарки следовали один за другим. К ханским ногам опустили высокое седло с серебряными стремянами, украшенное голубой бирюзой. Тут же положили конскую сбрую, покрытую круглыми серебряными бляшками, в центре которых были вправлены драгоценные опалы и топазы, а на концах уздечки – бирюза.

– Эти камни помогают воинам одерживать победу, – проговорил Темир-ходжа, – они могут остановить кровь, отвести беду и принести удачу в любви.

Затем на седло лег кинжал с рукоятью из слоновой кости, украшенной кровавыми рубинами. Посол склонился к кинжалу и чуть вытащил из ножен, показывая затейливый узор на лезвии.

– Пусть этот кинжал поможет тебе в борьбе с врагами. Он сам найдет путь к сердцу врага. Тебе надо только шепнуть об этом, – загадочно улыбнулся посол в седую бороду.

И, наконец, по коврам прошествовали четверо воинов, неся на плечах носилки, покрытые сверху яркой материей. Носилки опустили на землю, и у Кучума перехватило дыхание, он догадался, что должно находиться под пологом. А хитрец Темир-ходжа не спешил посвящать его в тайну, сокрытую внутри. Он медлил. Кучуму ничего не оставалось, как равнодушно отвернуться от носилок. Темир-ходжа заговорил тихо и вкрадчиво:

– Достопочтенный хан, позволь преподнести тебе самый драгоценный камень из сокровищницы бухарского правителя. Этот дар должен скрасить твои горести и печали. Он даст тебе радость и отдохновение от забот земных, унесет в заоблачные высоты, омоет твои печали и сделает самым счастливым из всех смертных. – Посол махнул рукой, и воины по его знаку сорвали полог с носилок, открыв их для взоров собравшихся.

У Кучума на миг перехватило дыхание. То, что он увидел, превосходило все его ожидания: на носилках сидела, подобрав под себя ноги и скромно потупив взор, прекрасная светловолосая девушка. Ее волосы цвета спелой ржи, заплетенные в тугую косу, притягивали к себе взгляд любого, а чистое белое лицо с нежным румянцем и легкими, едва заметными веснушками на щеках и на переносье, делали ее еще прекрасней.

Кучум не удержался и сделал несколько шагов к девушке, протянув огрубевшую руку к щеке. Невольница чуть вздрогнула и смущенно подняла глаза. Они еще больше поразили хана. В них была не просто синь безоблачного неба в жаркий полдень и влага незамутненных озер, в них жила неземная тоска и боль. Глаза, как опасный омут на стремнине, звали и тянули к себе.

Рука Кучума застыла на полпути, так и не коснувшись девичьей щеки. А девушка что-то прошептала и, легко подняв правую руку, как бы перечеркнула себя ото лба к груди, а потом от правого плеча к левому, и губы ее беззвучно затрепетали, зашептали незнакомые слова.

– Кто она?

– Она русская, – ответил Темир-ходжа.

– Русская? – невольно переспросил Кучум. Он вспомнил бородатых русских купцов, приходивших с караванами на Бухарские базары, крупных и широких в плечах. Но девушка была столь легка и призрачна, что казалось, налетит порыв ветра и унесет ее, подобно золотистому листу, сорванному с березы, и совсем не походила на них.

Темир-ходжа, пристально наблюдавший за Кучумом, заметил, сколь сильное впечатление произвела на него русская пленница, и остался весьма тем доволен. Подарок, доставленный им, был с секретом: при ханском дворе остался родной брат девушки. Их купили вместе. И теперь жизнь юноши зависела от его сестры. На нее же Темир-ходжа возложил нелегкую задачу: она должна стать глазами и ушами его и через купцов передавать все, что происходит в далекой Сибирской земле.

– Как зовут девушку? – спросил Кучум, чтобы прервать затянувшееся молчание.

– Теперь ты ее господин, тебе и имя давать. Хочешь, назови Ульмасак – неумирающей, а хочешь, Сюльчамал – драгоценной вдвойне, а можешь и Гюльнисой – цветком...

– Как ее звали раньше?

Посол чуть помялся и, огладив левой рукой белую бороду, ответил:

– Аллах ее знает... Я и не спросил. Да какая разница?

– Ясно, – Кучум усмехнулся и, кивнув, направился к шатру, но запнулся обо что-то и чуть не упал, ругнулся, – тьфу, на твою паршивую голову!

Окружающие беззлобно засмеялись над неловкостью хана. Второпях он наступил на сидевшего позади него коротышку-брадобрея, и тот заверещал, что есть силы:

– Такой большой на меня наступил! Раздавил! Ой, больно! Ой, как больно! – и он покатылся по земле, громко вопя.

Кучум невольно растерялся, но затем понял, что коротышка разыгрывает его.

– Эй, успокойся, а то всех зверей в лесу распугаешь, – крикнул Кучум, засмеявшись. – Дайте ему сладостей, пусть замолчит.

Услышав про сладости, коротышка сел на землю, оглядел всех насмешливым взглядом и зашепелявил, смешно коверкая слова:

– Какай хитрый Халик! Ой, какай я хитрый! За один пинок уже дают сладости! Какой у меня умный голова! А зад еще умнее. Хочешь проверить? Пни меня по нему, пни! – И коротышка, смешно встав на четвереньки, подставил ему свой зад, закинув на спину полы халата.

Кучум, оказавшийся в неловком положении, глянул на смеющихся послов, на своих воинов, потом на прищуренные глаза Карача-бека, усмехнулся и слегка пнул коротышку ногой под зад.

Раздался громкий крик, и тот, перевернувшись через голову, покатылся по земле, кувыркаясь и дрыгая ногами в воздухе. Затем он вскочил, надув щеки и тараща глаза, выпятив свой животик, двинулся на Кучума.

– Что сделал со мной? А! Что сделал?! Так сильно ударил, что задница в живот ушла! Как жить теперь буду?! Дай вина, а то умру! – кричал он.

Кучум дохотал до слез, махнул рукой, чтобы принесли вина.

– А теперь, прошу отведасть наше скромное угощение и принять от нас подарки для досто-
почтенного Абдуллы-хана.

Все расселись на разостланные меж шатрами толстые попоны к расставленным блюдам с угощениями. Нукеры из сотен сибирского хана обосновались чуть в стороне, и туда же под-
сели прибывшие воины из посольства. Послы сели напротив Кучума, с левой стороны он поса-
дил Карача-бека, с правой – племянника Мухамед-Кула. Живя после гибели отца в Кашлыке,
юноша заметно подрос, над верхней губой уже пробились едва заметные черные волоски, сви-
детельствующие о том, что через год-другой он станет мужчиной, воином. Он впервые при-
сутствовал на столь важном собрании, как прием послов, и легкий румянец время от времени
окрашивал его смуглые щеки, да длинные ресницы чаще обычного вспархивали вверх.

Явился с многочисленными родственниками и Соуз-хан, узнав откуда-то о прибытии
бухарских послов. Он был, как всегда, суетен и не сдержан, а после нескольких выпитых пиал
вина начал безудержно хвастать:

– Передайте Абдулла-Багадур-хану, что в моих угодьях водятся самые красивые соболя.
Старики говорят, что сам Ульгень, покровитель всех соболей, живет в моем улусе...

– Что же ты не привез соболиные шкурки в подарок гостям? – насмешливо спросил его
Кучум, нимало не обиженный таким бахвальством.

– Я приехал, чтобы пригласить их в гости, если мой хан позволит.

– О том гостей спрашивай, – не глядя в его сторону, как от надоедливой мухи отмахнулся
Кучум.

– Мы с удовольствием заедем к уважаемому...

– Соуз-хану, – подсказал услужливо Карача-бек.

– Соуз-хану, – добавил молодой посол.

– А меня, уважаемый, почему не зовет в гости? – тут же вмешался бегающий меж гостями
коротышка-брадобрей.

– Кто ты такой, чтобы приглашать тебя в гости? – небрежно проговорил Соуз-хан, отто-
пырив нижнюю губу. – Или ты родственник бухарского хана?

– Уважаемый угадал. Так оно и есть. Мой осел вместе с ханскими жеребцами в одной
конюшне ночевал и сильно тосковал. На волю вышел да и сдох, не будь плох. Я с него шкуру
снял, хану нашему за халат поменял. Так в нем и хожу. Дал бы и тебе надеть, да боюсь живот
некуда будет деть.

После этих слов все опять дружно захохотали, а Соуз-хан, решив, что смеются над его
слишком большим животом, налил краской, побагровел и, вскочив, схватился за кинжал.

– Ах, ты, недоносок! Смеешь надо мной смеяться! Да я тебя... – И кинулся за коротыш-
кой, отбежавшим от него на несколько шагов.

– Коль догонишь, сладкую лепешку дам, – дразнился тот издали.

– Ой, Халик-Карсак⁴, не шути с ним! – закричал кто-то из воинов. – У него такой большой
кинжал! Страшно!

– Бывает, что и петух летает, – отвечал тот, – а от доброго отца родится бешеная овца. У
него пузо по коленям стучит, бежать мешает, в пот вгоняет.

Но, видать, Соуз-хан рассердился не на шутку и что есть мочи погнался за Халиком с
кинжалом наперевес. Но догнать юркого коротышку было нелегко. Тот сделал круг, обежав
сидевших гостей. Затем метнулся к пирующим воинам, угадав, что именно среди них найдет
защиту от разбушевавшегося Соуз-хана, и, перепрыгнув через чьи-то ноги, уселся на блюдо с
угощениями, чем вызвал дополнительный смех у пирующих.

⁴ Карсак – коротышка.

Когда запыхавшийся Соуз-хан, тяжело отдуваясь, подбежал к нукерам, они дружно подняли свои сабли, преградив ему путь. Он зло выругался и повернул обратно, бормоча под нос угрозы.

– Да, Халик, верно приобрел ты себе врага надолго, – едва уняв смех, проговорил Кучум. – Соуз-хан – человек отважный. Может и на поединок вызвать.

– Мое оружие всегда со мной, – выкрикнул неумолимый Халик, вынимая из-за пазухи сверкающую бритву брадобрея. Могу кое-чего и укоротить, ежели потребуется.

– Завтра наш хан проводит туй-праздник и приглашает всех желающих принять участие в состязаниях, – громко объявил Карача-бек.

– Да, чуть не забыл, – кивнул одобрительно Кучум, – все джигиты могут показать свое умение. Победитель получит приз.

Все одобрительно зашумели, запереговаривались, и пир продолжался. Однако Кучум сделал знак Карача-бека и, поднявшись, прошел в свой шатер, извинившись перед гостями. Визирь вошел следом, почтительно наклонив голову.

Кучум сел на подушки, не пригласив сесть стоявшего неподвижно Карача-бека и, чуть помолчав, спросил:

– О чем шептались послы? Я заметил, что ты был близко от них.

– Хан правильно заметил, но ничего особенного я не услышал. Говорили о брадобрее. Мол, должен понравиться хану...

– Что они имели в виду?

– Верно, то, что он хороший брадобрей. Разве не так?

– Не верю я этим бухарским подаркам. Насмотрелся в свое время. Этот коротышка Карсак перережет мне глотку за шапку золотых монет и глазом не моргнет.

– Могу взять его к себе, – предложил визирь, – моя голова не так ценна.

– За труса меня считаешь? – глаза хана сверкнули из-под опущенных бровей, обдав Карача-бека холодом и презрением.

– Хан, не надо мне приписывать того, что я не говорил.

– То мое дело, кому что приписывать. Спасибо за поднос. Нашелся. Где ты его прятал? Кто подсказал?

– Подумал, они попытаются выкинуть что-нибудь подобное. Они мастера на такие штучки. Вот и приготовил поднос на всякий случай, а он и пригодился.

– Молодец. Пригласи послов ко мне в шатер.

– Мне тоже быть?

Кучум чуть подумал и, решив, что так или иначе придется посвящать визиря в свои планы, кивнул головой:

– И тебе быть. Приготовь письменные принадлежности. Прикажи никого в шатер не пускать и... чтобы стража была наготове. Трезвых поставь у входа. Все понял?

– Да. Как не понять. – И многозначительно поглядел на Кучума.

Послы с улыбками вошли в ханский шатер и сели, откинувшись на мягкие кожаные подушки.

– Хорошее угощение приготовил хан. Благодарим! Да не оскудеет рука дающего.

– Пусть во благо пойдет вам наше угощение. Я рад добрым словам и готов поделиться с гостями последним.

– Надеемся, что до последнего дело не дойдет, а вот насчет мехов ценных наш повелитель просил заключить негласный договор.

– Что именно желает хан Абдулла?

– Наш хан предлагает союз: ты шлешь ему два раза в год соболиные шкурки, которых в твоём ханстве в избытке, а он обещает тебе оказывать помощь в борьбе с врагами. Кроме того,

шейхи и имамы будут вновь отправлены сюда по нашему возвращению в Бухару. Мы видели лишь одну мечеть, да и то в твоей ставке на ханском холме.

– Я думал, что с вопросами веры мне будет позволено самому разобраться, но от помощи не отказываюсь. Шейхам и имамам буду всегда рад.

– Велик Аллах! – проговорили послы.

– Да, Аллах велик и велика вера наша, что Абдулла-Багадур-хан будет не зря брать с меня соболиные меха. По одной шкурке за каждого присланного воина.

– По одной шкурке за каждого воина?! – выговорили они, сделав изумленные глаза. – Хан шутит!

Незаметно для послов в шатер вошел Карача-бек и тихонько опустился на ковер, разложив перед собой письменные принадлежности.

– Какие могут быть шутки, – Кучум выставил перед собой растопыренную ладонь и принялся загибать на ней пальцы, – когда я их должен буду кормить – раз; дать оружие – два; коня – три; платить им за службу – четыре; и еще неизвестно, против кого они повернут оружие, случись у меня неудача. На чужом верблюде легче ехать – коль околет, то не так и жалко.

– Но воины сами себя могут прокормить и вооружение в бою добудут, на то они и воины...

– Я знаю, каких воинов пришлют мне, – отрезал Кучум.

– Мы пошлем тебе достойных воинов.

– Ну, хорошо, ваши условия.

– Сто шкурок соболя за воина.

– Даже сто беличьих шкурок я бы не дал за них. Мне легче обучить и нанять воинов из числа ближайших соседей, чем платить такую цену за самого доблестного воина из Бухары.

– Ладно, ты можешь сделать это не сразу, а через год, через два. Наш хан готов подождать. Главное, чтобы ты дал свое согласие. Мы верим тебе.

«Зато я не очень верю вам и вашему хану», – готов был рубануть Кучум, но, глянув в сторону визиря, напряженно вслушивающегося в беседу, сдержался и мягко закончил:

– Мне надо подумать. Ответ дам завтра.

– Да, наш повелитель просил передать, чтобы ты не беспокоился насчет малолетнего сына бывших сибирских правителей...

Кучум вскинул настороженно брови. Не сразу понял, о чем речь.

– Мы говорим о малолетнем Сейдяке, что привезен в Бухару.

– Этот выкормыш в Бухаре?!

– А почему хан удивился? Все дороги ведут в священную Бухарскую землю. Не так давно и ты там был. Аллах велел не обижать убогих и сирых. Места под солнцем для всех предостаточно.

– Коварство хана Абдуллы не знает границ!

– О каком коварстве говорит достопочтенный хан? Неужели такой могущественный ныне человек, правитель Сибирского ханства, опасается малолетнего ребенка? Он для тебя не страшен...

– Ты знал о Сейдяке?! – Кучум требовательно выбросил руку в сторону молчаливо сидящего визиря. – Говори, знал или нет?!

– Какие-то слухи доходили и до меня в Бухаре. – Сдержанно ответил тот. – Но я не придавал им значения...

«Не придавал значения! Так я тебе и поверил. Чего замыслил? Думаешь, я забыл о твоих кознях? Забыл?! Я все помню и вижу, что творится у меня за спиной, и вам не провести меня». – Кучума словно прорвало, и он, вскочив на ноги, сыпал безудержно слова на сидящих перед ним послов и опустившего голову Карача-бека.

– Я нужен Бухаре, чтобы получать от меня драгоценные меха. Все дело в них! Не буду устраивать – меня уберут и посадят другого. Того же Сейдяка, выкормыша бывших сибирских самозванцев. Но не бывать тому! Не бывать! Я требую, чтобы Абдулла-хан, если он действительно желает видеть во мне друга, отправил мальчишку сюда. Пусть он будет рядом со мной. Так и передайте своему хану. Слышите?!

Внутри шатра повисло напряженное молчание, и стали отчетливо слышны крики пирующих воинов. В шатер просунулась голова начальника стражи, и его глаза, встретившись с глазами хана, задали молчаливый вопрос: «Что хан прикажет? Схватить? Убить?» Но Кучум с кривой усмешкой отрицательно мотнул головой. Полог закрылся. Сделав несколько торопливых шагов, Кучум опустился на место и надолго замолчал, теребя заскорузлыми пальцами кисть от подушки. Молчали и послы, верно, сожалея о неосторожно брошенном слове. Наконец, первым заговорил Кучум:

– Ладно, другого от хана Абдуллы я и не ожидал. Верно, каждый поступил бы так на его месте. Но пусть он помнит, что сила есть и в моих руках, – и он тяжело свел вместе могучую пятерню и, словно раздавил в ней что-то, – а главное, главное – это сибирские меха. Они тоже здесь, в моей руке, и я не собираюсь выпускать аркан, накинутый на ханство Сибирское. Никто не заставит меня сделать это, пока я жив! Никто! Запомните! Но мне совсем не обязательно искать друзей лишь в Бухаре. Вокруг много желающих породниться со мной и жить в дружбе.

– Дружба штука опасная, – тихо проговорил, как бы ни к кому не обращаясь, Темирходжа. – Предают всегда друзья. Враг он и есть враг. От него знаешь, чего ждать. А от друга надо ждать предательства. Так устроен подлунный мир, и не нам его переделывать.

– Знаю. Не с юнцом говоришь. Почтенный, верно, забыл, что прежние сибирские правители платили дань московскому князю. Соболями. А теперь те же самые соболя могут оказаться в кладовых бухарского правителя. Абдулле-хану надо о том хорошо помнить.

– У нашего повелителя хорошая память, – усмехнулся молодой посол.

– А вы напомните ему, что мне все равно, куда будут идти караваны из Кашлыка: в Московию или Бухару. Мне важно, что я буду с того иметь. Кто смотрит, какой масти мерин, лишь бы служил верно, да тянул дальше.

– О чем хан говорит? – встрепенулись послы. – Царь Иван спит и видит, как бы стать хозяином Сибирского ханства.

– Руки коротки у московского царя! А хан Абдулла разве не о том думает? Покажите мне человека, который не пожелал бы преумножить свои богатства. И какой властелин не мечтает стать более могущественным и откажется от земель соседа. Но, хвала Аллаху, мы далеко отстоим от Московии.

– То, что вчера было далеким, завтра может стать близким. Русские купцы вовсю торгуют по Оби, а северные князьки давно платят дань Москве. Разве не так? – Не сдавались послы.

– С этим пора кончать. У меня достаточно сил, чтобы всех князей сделать своими нукерами. Передайте это Абдулле-хану. – В словах Кучума звучала твердая убежденность в своей правоте и силе. Плечи его расправились, а в глазах светилась внутренняя уверенность. Перед послами сидел властный и могучий правитель. И они, переглянувшись, смолкли и покорно слушали, уже не вступая в спор. – Пиши, – кивнул Карача-бека. – «Я, правитель ханства Сибирского, предлагаю Абдулла-Багадур-хану дружбу свою на вечные времена, и пусть враги наши станут общими врагами. В подтверждение дружбы нашей отправляю ему подарки и благодарю за дары ко мне присланные». – Он остановился, посмотрел успевают ли Карача-бек записывать, и, пригубив из пиалы глоток вина, продолжал: – «В знак нашей дружбы прошу пять сотен воинов с добрым вооружением, и плата за них будет направлена вскоре. Сына же врага моего убитого, Бек-Булата, что находится в Бухаре, Сейдяка, прошу прислать в Кашлык под надежной охраной. За что в будущем и всех врагов друга моего, хана Бухарского, выдавать обязуюсь, коль они пожелают укрыться в пределах земли моей. Желаю многих дней счастливых другу

моему, и да свершатся все благие помыслы его. Велик Аллах и велики дела его». – Кучум замолчал, тяжело вдохнув в себя воздух. Потом обвел всех уставшим взглядом и с видимым усилием встал, будто совершил тяжелую работу, зябко повел плечами. Поднялись и остальные, понимая, что на сегодня и так сказано достаточно, и большего от первой встречи не достичь.

– Благодарим хана за угощение и добрый прием, – поклонились послы и шагнули к выходу.

– Передайте воинам своим, что завтра будут состязания. Пусть желающие готовятся. Мои нукеры рады помериться силами с достойными противниками.

Оставшись вдвоем с Карачой-беком, Кучум некоторое время молчал, поигрывая желваками на скуластом лице, и оглядывал, насупившись, визиря, словно узнал его недавно. Но тот, не смущаясь тягостного молчания, смотрел открыто, не опуская глаз.

– Чувствую, замышляешь ты что-то за моей спиной, но зачем это тебе, не знаю пока. Или тебе плохо живется подле меня? Или переметнуться задумал к другому хану? Так ты скажи, может, разойдемся по-доброму. Я ведь не неволю. Скажи.

Карача-бек плотно сжал губы, сдерживая готовые вырваться слова, но быстро справился с собой и тихо проговорил:

– За что мой хан обвиняет меня в предательстве? Или я дал повод какой? Или не выполнил порученное мне дело? А если речь о Сейдяке, то стоит ли волноваться так? Будучи в Бухаре, слышал один раз, будто там он с кем-то из родичей своих...

– С кем?! – словно клинком резанул, встрепенулся Кучум. – Может, и Едигир там? А до поры до времени и это от меня скрывают? А как стану плох для вас всех, так его призовете? Отвечай!

– Зачем так? Про Едигира я ничего не слышал, а если бы услышал, то тут же сообщил.

– Как же, сообщил бы...

– Хан зря терзает душу неверием. Кто, как не я, узнавал о предательстве и доносил хану? Кто наладил отношения с Бухарой? Кто служит хану душой и телом, а взамен получает лишь недоверие и оскорбления. Хан не верит, так пусть скажет об этом. И я ни разу не покажусь на ханском холме.

– Ладно, помолчи. Нечего советовать мне, в чем и сам могу разобраться. Лучше ответь, почему жену свою не везешь ко мне в городок? Чего опасешься? И сына твоего пока еще не видел. Пусть живут здесь. Я так хочу.

Карача-бек взял себе жену еще две зимы назад. У них уже рос сын, но, зная переменчивый нрав своего повелителя, не хотел он перевозить семью в ханскую ставку. Ох, как не хотел! Вдали от ханских слуг и родичей жить спокойнее. Охрана у них надежная, стены высокие, и никакой враг пока не грозит им. А тут, рядом с ханскими женами и наложницами, только успевай поворачиваться да бояться каждого неосторожно оброненного слова. Но хан хитер и великолепно понимает, что при нем семейство Карача-бека будет порукой верности его. Хитер хан...

– Хорошо, мой повелитель, я привезу их сюда, – наклонил голову Карача-бек, – пусть будет по-твоему.

О ПРОШЕНИИ МИРА И ОБЯЗАННОСТЯХ ГОСУДАРЯ

Государь слабый, подвергшийся нападению со стороны сильного, должен во всех случаях уступать, преклоняться перед силой, будучи подобным камышу, склоняющемуся перед бурей. Ведь кто преклоняется перед сильным, поклоняется Небу.

Следует бороться, вовлекая в бой все силы. Ведь храбрость может устранить все затруднения. Это закон для воина – сражаться, не думая о том, что ожидает его – победа или поражение.

Имеется три вида завоевателей: справедливый, алчный и дьявольский.

Завоеватель справедливый удовлетворяется, когда враг подчинен.

Завоеватель алчный удовлетворяется, когда враг подчинен, получены земля, богатства и ценности.

Завоеватель алчный удовлетворяется, когда враг раздавлен, получены земля, богатства, деньги, сыновья, жены, родственники своего врага и лишит их последнего – жизни.

Из древнего восточного манускрипта

Ярсулы – Яростный воин

Не верилось Едигиру, что уже который год, как он перестал быть ханом Сибирской земли. Он потерял все: и землю отцов своих, и друзей, и даже имя. Теперь он был всего лишь воином, живущим рядом с другими такими же, несущими охрану городка у русских купцов. Никто и не подозревал, что на дозорную башню поднимался в караул тот, кто совсем недавно вел в бой сотни, чей приказ был законом, кто слал грамоты соседним государям и получал такие же от них. Расскажи он кому-нибудь об этом – подняли бы на смех, стал бы посмешищем среди товарищей. А сейчас он всего лишь воин.

Он стоял на дозорной башне, вглядываясь в сторону поднимающегося над лесом солнца, туда, откуда он пришел в городок с притаившейся за каждым деревом смертью. Смерть удалось обмануть, перехитрить. Так же легко можно обмануть и людей, которым вовсе не интересно твое прошлое. Зачем оно им, твое прошлое? Но он-то помнил, ясно и отчетливо помнил, как волком, крадучись, уходил с земли отцов, обложенный со всех сторон охотниками, в то кровавое лето. Уходил, ожидая встретить близкую смерть, но где-то разминулся с ней, прошел соседней тропой. И он как бы заново увидел и пережил то лето, когда уходил со своей земли, не думая о возвращении.

...Едигир со стоном провел рукой по ступням разбитых в кровь ног. Идти дальше он не мог... Все. Силы оставили его. Он в изнеможении упал на землю и лежал так, раскинув руки. В голове смешались дни и ночи, проведенные им в пути. Сколько дней он бредет вслед за солнечным диском, медленно ползущим по небу? Если бы у него были крылья, чтобы, подобно птице, взлететь над бесконечными лесами и парить над миром злобы и ненависти. Если бы...

Едигир поискал в траве листочки лечебной травы. Нашел и стал прилеплять их к разбитым ногам, морщась от боли и скрипя зубами. Закончив это болезненное занятие, откинулся на траву и, полуприкрыв глаза, сквозь подрагивающие ресницы поглядел на небо. Там, наверху, бойкие облачка гонялись друг за дружкой, как малые дети. Они то сливались в одну общую массу, то, разрывая некрепкие связи свои, плыли по небу порознь.

«Как дети малые... Ни забот, ни тревог. Если бы и мне так...» Но не выбросить из головы тягостные воспоминания об убитом брате, ненавистном пришельце Кучуме, потере любимой.

«Клянусь духами всей Земли, что отдам левую руку, лишь бы стать другим человеком, забыть обо всем, начать жить иначе. Клянусь!»

И, словно в ответ на его мысли, где-то по соседству громко застрекотала сорока. Едигир мгновенно встрепнулся и сел, прислушиваясь, внимательно осмотрелся кругом, руки сами собой потянулись к сабле и луку. Он сидел на невысоком пригорке на опушке соснового леса. Красноватые стволы огромных сосен круто уходили в небо и будто упирались в него ветвями, цепляясь мохнатыми кистями макушек за плывущие облачка. Откуда-то сверху слышалось цоканье белки. Едигир легко нашел пушистый рыжий комочек, прыгающий по вершине одной из сосен. Вот белка добралась до ствола дерева и спряталась за ним, смешно подглядывая оттуда, поблескивая бусинками глаз, за кем-то невидимым Едигиру.

«Верно, там люди», – решил он, быстро натянул сапоги, забыв про раны, с силой повел плечами, разгоняя кровь, ощущая каждую мышцу. Так всегда с ним случалось, в преддверии схватки.

Он подумал, что его настигли воины, посланные Кучумом. Но это было невероятно, найти его в лесу через столько дней странствий... Он и сам сейчас плохо представлял, где находится, понимая единственное, – это земля другого народа. Удивительно, как за столько дней пути он ни разу не встретил ни одного человека.

Но рано или поздно такая встреча должна была состояться, и Едигир был готов к ней.

Конечно, обидно умереть вдалеке от своей земли, на чужбине, не имея рядом даже единственного друга, который предал бы твое тело земле, сообщил близким о гибели, но такова судьба воина – беспрестанно играть в прятки со смертью.

Неожиданно сзади громко каркнул ворон, тяжело опустившись на сосновую ветку, и Едигир невольно вздрогнул, споткнулся, зацепившись ногой за корневище, чего ранее с ним никогда не случалось.

«Тьфу ты, вестник смерти! Думаешь поживиться за мой счет?! Уж не хоронишь ли меня? Рано! Я еще жив и так просто не сдамся! Или я не воин рода Тайбуги? Не бывать по-твоему! Не бывать...»

И Едигир, приложив ладонь к губам, застрекотал по-сорочьи, подавая птице сигнал опасности. Ворон, извечно осторожная и чуткая птица, не разобравшись, не успев оглядеться, тут же поднялся недовольный и, устало взмахивая черными поблескивающими на солнце крыльями, поплыл над лесом и затерялся меж красноватых стволов неподвижных сосен.

Едигир глубоко вдохнул пахнувший смолой воздух, и обычное спокойствие вернулось к нему. Значит, можно в очередной раз обмануть вестника ночи, забирающего людей в иной мир. Он сам множество раз посылал его с летящей стрелой или режущей воздух саблей. Так почему он должен умереть сейчас, сегодня?! Нет, далеко еще ему до могильного холода земли.

«Рано, рано еще, погоди немного, – повторял Едигир полупшепотом, перебегая, пригнувшись, от одного дерева к другому, – моя игра пока не окончена, моя стрела еще не выстругана, тетива не спущена, поживем еще... поиграем...»

И тут он увидел медленно пробирающихся меж деревьями трех мужчин, идущих неторопливо и без опаски. На плечах у всех были тяжелые мешки, за плечами колчаны с луками и стрелами, а на поясе болтались длинные кинжалы. Судя по их угрюмым лицам, залитым потом, шли они издалека и ноша изрядно вымотала их.

Едигир внимательно взгляделся в глубь леса, прислушался, пытаясь уловить шаги иных людей, которые могли бы двигаться следом, но не различил даже малейшего шороха.

«Что ж, – усмехнулся он, – голодный волк троих сытых всегда одолеет. Справлюсь».

То, что можно беспрепятственно пропустить встреченных людей, поскольку его они не видят и никакого вреда принести не могут, он не сомневался. Но... слишком давнее скитание по лесу и острое чувство одиночества толкали его к людям, хотя оно, это чувство, и таило в себе опасность, но тяга к людским голосам, теплу очага порой необъяснима и выше, сильнее его. Легче умереть у вражеского порога, чем в безвестности и одиночестве в глухом лесу.

«Будь, что будет», – решил он и уже приготовился окликнуть их, но неожиданно шедший первым остановился и, скинув мешок на землю, опустился рядом.

– Сил моих нет тащить дальше проклятый мешок, – проговорил он и блаженно вытянул ноги, привалившись к мешку головой.

Остальные, двое, тоже побросали мешки и уселись на землю, тяжело отдуваясь и отирая рукавами пот с лица.

– Немного осталось, скоро дойдем, – выдохнул второй, совсем молодой юноша, снял с головы шапку, отороченную полинявшим заячьим мехом, и пригладил взмокшие черные волосы.

– Да, если дотащу эти шишки, – откликнулся третий, тоже молодой парень, еще моложе остальных, совсем безусый юнец, – я же не лошадь, чтобы на себе по болоту мешки таскать. Я – воин.

– Помолчи, Куян⁵, наказание есть наказание. Мы бежали из боя, и теперь вот каждый мальчишка может помыкать нами и использовать на черной работе. Сами виноваты. – Выдохнул, прервав юношу, старший из них.

⁵ Куян – заяц.

– А не ты ли первым бежал, а мы уже увязались за тобой? Не ты ли был старшим в бою, а мы, простые воины, должны были следовать за тобой? А? – самый молодой, судя по всему, был и самым острым на язык и, верно, долго копил в себе горечь против старшего.

– Помолчи, Куян, словами делу не поможешь, – лениво махнул рукой другой, отирающий пот с лица шапкой, – год придется вытерпеть, а там, глядишь, и простит хан.

– Из-за таких, как этот... – взвился юноша.

– Ах, ты, песий сын, – вскочил на ноги старший и выхватил из ножен кинжал, – сейчас я погляжу как сверкают твои пятки, а не то...

– А то что? – спросил, поднимаясь на ноги и медленно вытягивая свой кинжал, молодой парень.

– А не то не погляжу, что у тебя пятеро старших братьев, и намотаю кишки на твою глупую башку. Братья твои только спасибо мне скажут, что убил труса.

– Это я-то трус?! – крикнул юноша и прыгнул на обидчика, выставив кинжал перед собой. Но тот ловко увернулся, откинувшись корпусом назад и чуть выставив вперед правую ногу. Нападавший запнулся, покатился по земле, выронив кинжал.

Старший тут же подобрал его и, выставив два клинка, мягко пружиня, приближался к сидевшему на земле растерявшемуся парню.

– Не хочется за тебя второй мешок тащить, а то бы оставил тебя тут навсегда, и никто бы слова плохого не сказал. Труса разрешено убивать всякому.

– Сам трус! – зло выкрикнул тот и заплакал, прикрыв обеими руками голову.

– Оставь его, – крикнул так и не поднявшийся с земли второй парень, – заставь лучше мальчика тащить свой мешок.

– Хорошая мысль, – отозвался тот, – так и поступим. Слышал?

Но юноша униженно рыдал, не поднимая головы, и лишь плечи вздрагивали, опускаясь к земле все ниже и ниже.

Едигир, наблюдая за всем происходящим из-за деревьев, сперва с интересом следил, чем же закончится стычка между незнакомцами. Из разговора ему стало ясно – перед ним бежавшие с поля боя воины, наказанные советом старейшин за трусость на год выполнять самую грязную и непосильную работу, которую не поручали даже женщинам. И он брезгливо поморщился, вспоминая, как сам не раз наказывал трусов. Некоторые вели себя достойно в следующих сражениях, осознав вину, но иные... иные так и не садились на боевых коней, оставаясь рабами. У них отбирали оружие, расплетали косицу воина и втыкали в левое ухо женскую серьгу. Таким не позволяли заводить себе жен: кто может родиться от труса – только трус; их не пускали к общему котлу на праздниках, и они, подобно собакам, питались объедками от угощения. Даже ребенок мог обидеть такого человека, отобрав у него последнее. Да что ребенок, собаки и те понимали униженное положение трусов, и порой стая неожиданно набрасывалась на кого-нибудь из них, и если добрый человек не отгонял собак, то они загрызали свою жертву насмерть. Хоронили трусов подальше от селения в глубоком овраге. И даже родственники, родная мать, не смели прийти, чтобы пролить горестную слезу над прахом.

Сочувствие Едигира было полностью на стороне молодого парня, который и воином-то стал, судя по всему, первое лето, и бежал из битвы вслед за своим сотником. Подумал, что такого сотника он, не раздумывая, посадил бы на кол перед строем в назидание остальным, а мальчишку простил. То, что он кинулся на опытного воина с кинжалом, говорило о бойцовском характере.

Решив, что более удобного момента не будет, Едигир вышел из-за деревьев с натянутым луком и громко крикнул:

– Эй, ты, храбрец, может, со мной хочешь силами помериться? Я готов!

От неожиданности те вздрогнули и повернули головы назад. Только юноша, плачущий на земле, чуть приподнял голову и, безучастный к происходящему, остался в той же позе. Зато

вскочивший на ноги рукой потянулся к луку за спиной, но так и застыл после грозного окрика Едигира:

– Эй, не балуй, а то...

– Чего тебе надо? – недобро спросил, посверкивая узкими глазами бывший сотник, выискивая взглядом, есть ли подкрепление за спиной Едигира.

– Брось оружие, – приказал тот.

– Кто ты такой? И почему приказываешь?

– Трус и ребенок приказать может, – усмехнулся Едигир, – брось кинжалы, кому говорю.

– Ладно, – нагнулся тот, делая вид, будто собирается положить оружие на землю, но сделал резкий скачок в сторону, подхватил за шею сидевшего на земле молодого парня, прикрываясь им, как щитом.

Едигир лишь усмехнулся, краем глаза отмечая, как стоявший в стороне другой парень выхватил из колчана стрелу и прыгнул за дерево, прикладывая ее к луку.

– Я же вас предупредил, – крикнул Едигир, и стрела, пискнув, подобно лесной осе, воткнулась в ступню стрелка. Взыв, он бросил лук на землю и схватился за ногу.

Кинжал, прорезав воздух рядом с головой Едигира, упал в ближайший куст. Тут же стрела пронзила растопыренную пятерню бывшего сотника, и пронзительный крик огласил лес. Парень, освободившись от его объятий, ударил кулаком по лицу, а потом еще с размаху ногой в пах, злобно выкрикивая:

– Вздумал за моей спиной спрятаться! Не выйдет! Теперь-то я поквитаюсь с тобой! За все поквитаюсь! – и удары сыпались на бывшего сотника, он уже упал на землю, прижимая к груди пробитую стрелой руку.

– Никогда не смей бить раненого, – крикнул Едигир, отбросив за плечи парня. – Понял?

Но тот, словно молодой волчонок, оскалив зубы, кинулся с кулаками на Едигира. Но, получив удар в живот, перегнулся пополам, застонал, прислонясь к дереву.

– Все? Успокоились? – спросил с усмешкой Едигир, обводя их взглядом. – Теперь говорите, кто вы и откуда будете. Не хотели по-хорошему, пеняйте на себя.

– Мы воины хана Аблата, – прохрипел сквозь зубы бывший сотник, которому удалось вытащить из ладони жало стрелы, и теперь он пытался унять сочившуюся кровь, – а ты кто?

– Воины? Да какие вы воины! – бросил небрежно Едигир. – А кто я – вам знать не обязательно. Скажите спасибо, что живыми оставил. Далеко до вашего улуса?

– Не очень... – ответил самый молодой.

– Ведите меня к своему хану, – приказал Едигир, – да мешки с орехами не забудьте. Вояки!

Уставшее солнце уже проглядывало сквозь нижние ветви молодого сосняка, когда все четверо вышли к хорошо укрепленному городку, стоящему на берегу многоводной реки. Впереди Едигира тяжело вышагивали его пленники, медленно переставляя ноги. Он шел чуть сзади, держа наготове лук и неся отобранное у них оружие. Он не знал, правильно ли поступает, отправившись с ними в селение, но иного выбора у него просто не было.

С башни их окликнул караульный:

– Стойте! Почему без оружия? Кто с вами?

– Это ты у него спроси, – зло огрызнулся бывший сотник.

– Зови своего хана! – крикнул Едигир, положив оружие перед собой и отступая на шаг.

– Кто его просит? – тут же отозвался с башни караульный. – Если каждый проходимец будет нашего хана требовать, то ему отдыха не будет.

– Вот с башни слезешь – я тебе на ухо скажу, а если не поймешь, то вместо тебя твое ухо к хану отправлю, – ответил Едигир рассмеявшись.

Караульный не стал пререкаться, и его сапоги застучали по ступеням деревянной лестницы. В городке послышались крики, бряцанье оружия, и вскоре в воротах показались два

плечистых воина с копьями в руках. Они приблизились к Едигиру, внимательно осматривая его, но ни один не глянул на бывших воинов, которые стояли, униженно втянув головы в плечи, словно ждали тычка или удара.

– Хан Аблат послал нас узнать, кто ты и почему хочешь его видеть. Что ему передать?

– Скажите, что прибыл человек из Кашлыка, – сдержанно отозвался Едигир.

Воины переглянулись и знаком показали, чтобы он шел с ними. Когда они прошли по скрипящему шаткому настилу внутрь городка, их встретили настороженные взгляды обитателей. Мужчины вышли с оружием в руках, а женщины придерживали малышей, прячущихся за них. В центре селения стоял ханский шатер, а перед ним в окружении воинов – невысокий плотно сбитый старик со скрещенными на груди руками. Видимо, это и был хан Аблат.

Сопровождающие Едигира воины подошли к хану, и один из них что-то прошептал ему на ухо. Тот молча слушал, не спуская внимательных глаз с Едигира. Движением руки отпустив воинов, он обратился к Едигиру:

– Кем ты послан на нашу землю и с чем пришел?

– Я пришел сам по себе и принес плохие вести...

– Говори, – ободрил хан Аблат, видя замешательство пришельца, – плохие вести тоже вести. Рано или поздно мы о них узнаем. Разве не так? Лучше узнать их от друга, нежели от недруга. А ведь ты нам друг, иначе не пришел бы сюда.

– Я – друг... Хан прав, плохие вести имеют длинные ноги и всегда обгоняют хорошие. Но, может, тебе известно, что в Кашлыке правит иной хан и имя ему Кучум?

Хан Аблат утвердительно кивнул:

– Да, наши соседи сообщили мне об этом. Я скорблю о погибших воинах, Едигире и брате его Бек-Булате. Они были великие воины.

Услышав свое имя, Едигир вздрогнул, хотел было назваться и объяснить хану, кто он такой, но что-то удержало его от этого. Он лишь горестно вздохнул, подтвердив:

– Теперь их души обитают в царстве теней и глядят на нас оттуда. Но я поклялся отомстить за их смерть. Они погибли за землю наших отцов, и пока я жив, пришельцы не будут спокойно ходить по этой земле. Клянусь прахом моих предков.

Хан Аблат внимательно слушал его, не перебивая. Затем опустил сам на толстый войлок, лежавший у входа в шатер, и пригласил сесть Едигира.

– Я не спрашиваю твое имя, и ты вправе не называть его. Буду звать тебя просто Ярсулы – Яростный воин. Ты не против?

Едигир, не поднимая глаз, кивнул головой, отметив про себя, что хан не так прост, как может показаться на первый взгляд, и с ним надо держать ухо востро.

– Хорошо, мой хан, мне нравится мое новое имя. Свое старое я давно забыл. Пусть будет Ярсулы.

– Так вот, Ярсулы, мой народ – слабый народ. Нет, и у нас есть храбрые воины, и соседи долгие годы не нападают на нас, зная силу нукеров моих. Но еще отец завещал мне не отдавать своего, но и не зариться на чужое. Я понятно говорю?

Едигир опять молча кивнул головой, смотря прямо перед собой. Было трудно понять, слушает он говорившего или занят собственными мыслями.

– Мой отец был мудрый человек, и его уважали все соседи. Даже враги слушались его советов. Какие же они враги, коль дочерей своих отдавали в жены нашим нукерам? Так жили мы долгие годы. В мире и согласии. Чего еще желать? Никто не гибнет в бою, жены не оплакивают мертвых мужей, не нужно прятаться в лесах и болотах от врага. Ты внимательно слушаешь меня, Ярсулы – Яростный воин?

И опять не ответил Едигир, не совсем понимая, куда клонит хан Аблат. Он уже начал жалеть, что пришел в городок, а не остался в лесу наедине с собой и своими мыслями. Слова

говорившего вызывали в нем какое-то щемящее чувство, словно он присутствовал на собственных похоронах, наблюдая за всем происходящим со стороны.

– Враги перестали быть врагами, и мой народ должен был процветать и множиться. Но несколько зим назад наш шаман сказал, что многие женщины стали рожать больных детей. Я удивился и не поверил. Отчего ребенок рождается слабым? Когда плохая еда, а еды все эти годы у нас было вдоволь. Никогда еще мы не питались так хорошо и сытно. Нукеры мои стали вдвое толще, и щеки их лоснились от жира. Каждый из них имел жен столько, сколько мог содержать и прокормить. И... – Хан тихо хихикнул, – сколько было сил у каждого. А весной на мой народ пришла черная смерть: люди покрывались коростами и слепли. Умерли почти все дети. Мы не успевали сжигать трупы. Воинов осталось лишь половина, и они, шатаясь, ходили возле своих жилищ. Шаман не спал несколько ночей, пытаясь изгнать черную смерть. И он прогнал ее, хоть через несколько дней умер сам. Молодой шаман, принявший бубен из его слабеющих рук, сообщил мне, что это только начало бед, которые духи подземного царства послали на мой народ.

Хан Аблат остановился, переведя дух, и слуга поспешно подал ему пиалу с напитком, поставив такую же у ног Едигира. Отпив несколько глотков, утирая губы рукавом халата, хан продолжал:

– Пока мы боролись с черной смертью, соседи захватили наши рыбные места и добывали нашу рыбу. Они стали охотиться на наших тропах, видя слабость нашу. Я направил к ним своих нукеров, чтобы напомнить, кто есть они и кто есть я. Но ночью головы посланцев были переброшены к нам через ограду. Тогда я собрал всех нукеров, чтобы вести их против коварных соседей. Но сабли их заржавели в ножнах, луки перестали быть гибкими, и стрелы не летели дальше десяти шагов. Подпруга не сходилась под брюхом раскормленных коней, которых не коснулась черная смерть. И все-таки я повел их в бой. Половина из них убежала после первой стычки. Я жестоко наказал трусов. Ты видел их сегодня. Соседи, увидев нашу слабость, осадили городок, и мы едва выдержали осаду. Мне пришлось пожертвовать дорогой посудой и богатым оружием, лишь бы откупиться от них. Но они не вернули нам рыбных мест, не ушли из наших лесов. Знаю, поведи я завтра своих воинов на битву, они опять повернутся спиной к врагам. И нас всех могут взять в плен и сделать рабами. Таков мой рассказ. Что скажешь, Ярсулы – Яростный воин?

– Я скажу, что сытый волк – не опасный волк. Его не надо бояться. Ты и твой отец решили жить вашему народу без забот и в достатке. А человек, как зверь, гибнет от жирной пищи. Человек так устроен. Боги дали ему жизнь, но они дали и смерть. Правда, не указали, где середина между жизнью и смертью. И никто этого не знает, кроме самих богов.

– Мне нравится, как ты говоришь, пришелец.

– Я не знаю, сколько мне отпустили боги зим и лет, но я видел много смертей. Видел смерть друзей и врагов. Не упомяну, кого больше. Голодный всегда побеждает сытого. Из степи пришел голодный враг и победил мой народ. Теперь я странник и пришел к тебе. Я думал попросить у тебя воинов для большой войны...

– Я понял это, как только увидел тебя. Печаль и ярость написана на твоём лице. Ты – вестник смерти. Но мой народ уже отдал все, что мог, богу войны, и мне нечего больше дать.

– И я понял, какое несчастье постигло твой народ, большое горе пришло на твою землю. Может, даже большее, чем на мою. Я понял это, когда один справился с тремя мужчинами. Их даже нельзя назвать мужчинами, а уж воинами и подавно.

– Знаю и не обижаюсь на твои слова. Боги наказали нас. Женщины перестали рожать джигитов. Но я бы предложил тебе остаться и взять в жены любую из наших девушек. Можешь взять столько, сколько захочешь. Пусть они зачнут от тебя таких же яростных воинов. Останься у нас, и дети твои освободят земли предков, изгонят пришельцев. Ты согласен, Ярсулы?

Едигир посмотрел на сидящих рядом с ханом Аблатом нукеров. Ни один из них не выдержал его пристального взгляда и, как по сигналу, опустил глаза к земле. Он пробежал взглядом по рядам землянок, возле которых сидели в молчании женщины, прижимая к себе чумазных, перепачканных в золе детей; внимательно оглядел мужчин, стоящих чуть в стороне от ханского шатра, опирающихся на копья, и обратился к хану:

– Что будет, если я скажу «нет»?

– Ты не скажешь «нет». Я слишком много рассказал тебе.

– Значит, отныне я твой пленник? – Едигир не удержался от улыбки и положил руку на сабельную рукоять. – Но так ты мало чего добьешься. Пленный что раб, другом быть не может. А я тебе нужен как друг.

– Ты все правильно понял, Ярсулы, насильно мил не будешь. Но я не могу отпустить тебя сейчас. Поживи немного у нас. И не как пленник, а как гость. Мы даже твое оружие оставим тебе, но из городка – ни ногой. Понял меня, Яростный воин?

– Понял, – все с той же усмешкой кивнул Едигир, – хотели шуку в реке утопить, а она на дно ушла. Отлежусь, огляжусь, а там время покажет, кто кому друг, а кто враг.

– Будь лучше другом. Врагов у нас и так хватает. Мне нужны такие люди, как ты.

– Воины нужны всем. Не только тебе.

– Я думаю, мы поладим.

– Не от меня это будет зависеть. Как отнесутся к тому остальные воины.

– Они выполняют мой приказ.

– Хорошо. Мне спешить некуда. Я принимаю твое предложение.

– Проводите Ярсулы в его землянку, – хлопнул в ладоши хан Аблат.

* * *

Землянка, в которой поместили Едигира, походила на жилище его народа. Правда, у входа неотлучно пребывали два стражника, сменяющиеся с закатом солнца. В первый же вечер в землянку вошла смуглая широколицая девушка и, смущенно улыбаясь, поставила перед пленным деревянное блюдо с вареной рыбой. Сама девушка села в уголке, с любопытством разглядывая его.

– Как тебя зовут? – спросил он, покончив с рыбой.

– Аниса. – Ответила она и закрыла лицо ладонями.

– Тебя отправил ко мне хан Аблат?

– Нет, я сама попросилась унести тебе еду.

– Сама? А разве у тебя нет парня? Что он скажет?

– Был парень. Но теперь ему нельзя встречаться со мной после того, как хан направил его на черную работу. Теперь он живет вместе с рабами и ему нельзя жениться. Ты встретил его в лесу.

– Его зовут Куян? – вспомнил Едигир.

– Да, теперь его так зовут, Куян. А у него было очень красивое имя. Почти как у тебя.

– Ты знаешь мое имя?!

– Да. Тебя в селении зовут Ярсулы.

– Вот как... Оно тоже недавно. Меня раньше звали иначе.

– Пусть будет Ярсулы. Ярсулы и Аниса очень подходят друг к другу. Мне нравится. – Помолчав, девушка неожиданно заявила:

– Я могу остаться у тебя на всю ночь.

– Оставайся, – равнодушно согласился Едигир, – но ты останешься не со мной настоящим, а с тем, кого зовут Ярсулы – Яростный воин.

И она осталась... Едигир не помнил, сколько ночей они провели вместе. Он пребывал словно в ином мире, забыв о потере ханского холма, смерти друзей и даже о Зайле-Сузге. Аниса украла его у них, а он украл ее для себя. Днем она уходила в землянку своих родителей, а под вечер возвращалась обратно.

Оставшись один, Едигир выбирался наружу и бродил без дела по городку, наблюдая и приглядываясь ко всему происходящему. Он уже знал в лицо стражников на башнях и время смены караула. Он мог бы легко выбраться ночью в лес, перемахнув через невысокую ограду, но что-то останавливало его. Не было желания бежать и вновь скитаться по лесу в одиночестве, словно дикий зверь.

«Может, Аниса каким-то заговором приворожила меня к себе? – рассуждал Едигир. – Может, моя кровь в жилах течет не столь стремительно, как раньше?»

А вскоре кончилось недолгое сибирское лето и бежать из городка накануне зимы просто не имело смысла.

Сверток с золотыми монетами в колчане Едигир обнаружил еще во время своих странствий по лесу. Первоначально он не придавал ему особого значения, как лишнему грузу, и даже несколько раз пытался выбросить, оставить на месте ночевки, но каждый раз возвращался за золотом обратно и, проклиная собственную слабость, заталкивал сверток в колчан.

Оказавшись пленным «гостем» в городке хана Аблата, он подумал, что на золото можно купить коней, оружие и нанять нукеров, которые бы сопровождали его. Но куда? Куда он поведет их? В Кашлык на верную смерть? В далекую Бухару, где он также окажется под стражей, а то и вовсе без головы. Или в Московию? Но Московия пугала его не меньше остальных мест. Рассказы о страшных бородатых людях живо вспыхивали в нем, и он гнал от себя мысль о походе в далекую неведомую страну.

А золото постоянно жгло руки, стоило лишь прикоснуться к колчану, вытащить тряпицу наружу. Даже во сне Едигиру виделось, как он прячет монеты в дупле старой березы, а оттуда выползает огромная змея и жалит его, Едигира, в руку.

Потом он поймал себя на том, что постоянно, даже разговаривая с Анисой, протягивает руки к колчану и ощупывает его лоснящийся бок, гладит нежно и ласково. Девушке, правда, ни разу не пришлось в голову поинтересоваться, отчего он постоянно держит колчан для стрел подле себя. Но сам-то Едигир понял, что заболел золотой болезнью, которая способна извести любого самого стойкого мужчину, сделать его хилым и немощным стариком. И ему стало страшно.

Вот тогда-то он решил бежать по приходу тепла, когда стает снег и прилетят птицы на сибирские реки и озера.

Аниса со второй половины зимы раздалась и потяжелела. Она ходила по городку, гордо выставляя вперед обозначившийся живот. Едигир сперва отнесся к этому событию довольно равнодушно, но постепенно стал проявлять к ней больше внимания и, как-то перебирая в очередной раз золотые монеты, решил смастерить ей монисто. Он раздобыл необходимые инструменты и долго тайком проделывал в тяжелых кружках отверстия и затем, снизав на прочную нить, спрятал в колчан.

Едва началась потайка и река подле городка тяжело вспучилась бурым ледяным покровом, как Едигиром овладела жажда деятельности. Он попросил у хана Аблата наконечников для стрел и принялся заготавливать древки под них. Аблат втайне радовался, что смог заполучить такого воина, думая привязать к себе пленника после рождения ребенка крепче, нежели любая веревка. Ему виделось, как под предводительством Ярсулы его воины прогонят коварных соседей и отвоюют захваченные ими земли. Хан радовался, что так легко победил пришельца, и велел ему дать все, что тот запросит.

Уже стали набухать почки на деревьях, а на реке появились длинные забереги, и мужчины на берегу конопатили и смолили лодки для первой рыбалки, когда в землянку к Едигиру прибежал малолетний брат Анисы.

– Пошли, тебя зовут, – махнул он рукой.

Аниса не показывалась последние дни, не выходила из землянки родителей, и Едигир догадывался, что ей пришел срок рожать.

Они двинулись с мальчишкой, выбирая просохшие места на еще не освободившейся от весенней влаги земле.

«Вот и земля, как женщина, набухла и раздалась и тоже готовится родить траву, цветы, деревья. И ей, наверное, нелегко носить в себе такой груз, недаром по ночам слышно, как стонет земля», – думал Едигир, вглядываясь в разломы и канавки, появившиеся кругом.

Возле землянки родителей Анисы толпились люди, негромко переговариваясь меж собой. Увидев Едигира, они смолкли. Тяжело ступая и ощущая на себе недобрые взгляды, он прошел мимо и откинул полог.

Аниса лежала на мягких шкурах и тяжело дышала. Едигир повернул голову и увидел сидящую у стены старуху, она держала в руках небольшой сверток, покрытый сверху мягкой овечьей шкурой. Старуха что-то бормотала или напевала под нос, покачивая его.

Аниса, увидев Едигира, повеселела, засветилась мягкой улыбкой и потянулась к нему. Он взял ее руку и, наклонившись, спросил:

– Все хорошо?

– Да, – ответила она, – мальчик... твой сын.

К Едигиру протиснулся отец Анисы и, дружески улыбаясь, похлопал его по плечу, начал говорить о том, какого богатыря родила его дочь, но Едигир, резко дернув плечом, скинул его, руку и, не желая никого слушать, пошел к выходу.

Весеннее солнце ослепило его, и на какое-то мгновение он закрыл глаза, как вдруг услышал чей-то испуганный крик. Нехотя приоткрыв их, он увидел, бегущего человека с высоко поднятой правой рукой.

Едигир едва успел уклониться и подставить ногу юноше, кинувшемуся на него. Тот упал на землю, выронив зажатый в руке нож. Собравшиеся у землянки люди громко кричали, но Едигир не воспринимал этих криков и был готов отразить новое нападение. С земли медленно поднялся тот, кого прозвали Куян, юноша, встреченный Едигиром в лесу, с ненавистью уставился на него.

– Что я тебе сделал плохого? Зачем ты хотел убить меня?

– Ты забрал у меня девушку... А я... а я... хотел взять ее в жены. Я все равно убью тебя.

– Убей, коль сможешь, но я никого не забирал у тебя. На то было ее согласие. Трусам нельзя иметь женщин.

Куян поднес руки к лицу и расцарапал его в кровь, злобно глянул на него и, повернувшись, пошел сквозь толпу, низко опустив голову.

– Э-э-э... герой, – тяжело вздохнул кто-то в толпе. Но по тому, как было это произнесено, Едигир понял, что сочувствие оставалось полностью на стороне несчастного парня. Он вдруг ощутил, насколько в чужом мире находится и как эти люди не принимают его. И даже ненавидят.

Он сделал несколько порывистых шагов, расталкивая людей, смотревших на него со страхом и ненавистью одновременно, и вдруг, остановившись, схватил за плечо изможденного сухого, как ивовый куст старика и закричал ему прямо в покрытое седыми волосками ухо:

– За что вы меня ненавидите?! Чем я вам не угодил? За то, что я воин, а ваш народ боится собственной тени? Так я ли виноват в том? Я вас сделал такими? Ну, скажи мне, старый человек? За что вы меня ненавидите?!

Старик осторожно освободился от его руки и, чуть отстранясь, ответил с кривой улыбкой:

– Ты чужой нам, а чужих никто не любит.

– Но ведь я живу с вами! Я такой же, как вы!

– Волк и овца оба серые, а дружба у них не получается, – обнажил желтые зубы в усмешке старик и повернулся спиной к Едигиру.

– Чужой... Чужой... Чужой... – зашелестела толпа.

Едигир несколько мгновений смотрел на людей, с которыми бок о бок провел зиму, чья женщина родила от него сына, и понял, что никогда не сможет жить спокойно среди них, стать таким же, как они, думать так же, как они. Он сорвал с головы шапку, отер ей вспотевший лоб и, тяжело ступая, ощущая спиной неприязненные взгляды, слыша гул недовольства сзади, пошел к своей землянке.

На небольшой очистившейся от снега площадке все так же стояли мужчины городка, опираясь кто на копья, кто на толстые палки, словно они и не уходили с того места, где он увидел их первый раз. И от них исходила ненависть и неприязнь. Так собаки встречают чужака, щеря клыки, и готовые по первому знаку хозяина броситься и разорвать его просто за то, что он чужой, пришлый.

Возле крепостной ограды на бугорке, осыпанном зеленью первых выбившихся наружу к весеннему солнцу цветов и травинок, сидел Куян, горестно наклонив голову, покусывая ногти на пальцах, кровь сочилась по исцарапанному лицу.

Едигир подошел к нему и опустил рядом на корточки.

– Что мне делать? – спросил он тихо. – Я бы сам давно ушел от вас, но хан Аблат не пускает. Человек не всегда виноват в том, что с ним происходит. Я бежал от врагов, думал среди вас найду друзей, но и тут я никому не нужен. Ты хотел убить меня, так уж лучше бы убил. На, – обратился он к юноше, вытаскивая из ножен свой собственный нож, – убей. Я так хочу!

Но парень подскочил как ужаленный. Попятился от него, испуганно вытаращив глаза.

– Нет, я не могу убить тебя просто так. Не могу...

– Совсем недавно мог, а теперь... Что за народ... – Едигир решительно встал и направился к сторожевой башне.

Едва он подошел к лестнице, как сверху прозвучал повелительный окрик:

– Эй, тебе нельзя подходить к стене. Хан не велел.

– Плевал я на вашего хана. Стреляй! Стреляй! – закричал Едигир. – А то залезу наверх и сброшу тебя вниз. Стреляй, тебе говорят!

Стражник, не ожидавший такого оборота, начал поспешно натягивать тетиву, а Едигир в исступлении затряс приставную лестницу, пытаясь сбросить ее на землю. Вдруг кто-то схватил его за руки сзади и потащил в сторону от башни.

– Идем, я помогу тебе, – услышал он громкий шепот. Обернувшись, увидел Куяна, пытавшегося оттащить его.

– Чем ты можешь помочь мне? Убить? Так ты не захотел это сделать, когда я попросил. Пусть меня убьют здесь... Пусть...

– Я помогу тебе бежать, только умоляю, пошли отсюда. Пошли в твою землянку.

– Ну, хорошо. Пойдем. – Едигир успокоился и зашагал чуть впереди, даже не взглянув на подбежавших к ним мужчин селения, готовых, судя по всему, прийти на помощь Куяну.

В землянке он бросился на старые овечьи шкуры, и в нос ему пахнуло такой кислотой и затхлостью, что захотелось завывать, закричать во весь голос. Земля со стороны стен отсырела, и талые капельки воды медленно сочились, падали на шкуры, скапливались в лужицы на полу. Не было сил смотреть на убогое помещение, в котором ему предстояло провести остаток жизни. Не для того он остался жив, бежал со своей земли, чтобы сидеть в грязной, осклизлой земляной норе.

Его тревога и недовольство передались, видно, и юноше, который зябко повел плечами, ощутив сырость и затхлость землянки. Он робко подошел к висевшему на бревне колчану Едигира и увидел привязанное сбоку монисто, которое он смастерил в подарок Анисе.

– Какое красивое, – не удержался он от возгласа, – для кого это?

– Возьми, подаришь своей девушке. Она ведь все равно будет твоей. Я не смогу быть ее мужем, – Едигир засмеялся и повернул голову в сторону парня, – я же не вашей породы. Я – чужой!

– Как я могу взять такой знатный подарок? – парень, казалось, и не слышал горестных слов Едигира, – за него можно табун коней выменять. Ай-й-й! Какое красивое!

– Бери! Я дарю тебе. Но дай слово, что, когда подрастет мой сын, не станешь обижать его и, – он чуть помолчал и, словно решившись на что-то, добавил: – Назовите его Едигиром, в честь моего родственника. – Договорились? А теперь давай о деле. Как ты поможешь мне бежать? Говори.

– Бежать надо ночью на лодке. Сегодня ночью лед тронется, и никто не кинется догонять тебя по воде.

– Не захотел убить меня в открытую, так теперь утопить меня хочешь. Молодец, ничего не скажешь. Да...

– Другого случая не будет. Можешь отказаться, смотри сам. Пойдешь пешком, и тебя нагонят к вечеру. Решай.

Едигир задумался, находя, что в словах парня есть смысл. Конечно, ночью плыть среди льдин опасно и рискованно, но уходить пешком действительно не стоит и пробовать. Нагонят и тогда уж точно убьют.

– Провизии в дорогу соберешь? – парень кивнул в ответ и показал рукой на противоположную стену, на которой обнажились крепежные бревна.

– Дыру надо сделать, чтобы стражники не увидели. А я приду за тобой в полночь. – И, тяжело вздохнув, пошел к выходу.

– Постой, – догнал его Едигир, – на, возьми, – протянул зажатое в руке монисто, – подари Анисе, но не говори, что от меня. – Втянув голову в плечи, парень покорно принял подарок и заспешил в центр городка, размахивая на ходу длинными руками.

Оставшись один, Едигир принялся рыть в противоположной от входа стене дыру, ссылая мокрую землю прямо под ноги. Окончив работу, он упал на шкуры и заснул, чтобы быть готовым к очередной неясной дороге.

Ближе к полуночи действительно начался ледоход.

Льдины со скрежетом сшибались, выскакивали на берег, уходили под воду, спеша обогнать друг друга, тяжело плыли на север.

Едигир с Куяном перелезли в темноте через ограду крепости и спустились по крутому откосу к реке. Выбрали надежную лодку и столкнули ее в воду. Юноша подал беглецу мешок с едой и весла, захваченные из дома, придержал нос лодки и на прощанье подал руку:

– Прощай, – негромко проговорил Едигир и взмахнул веслом.

РАЗЛИЧНЫЕ СПОСОБЫ ВЕДЕНИЯ ВОЙНЫ

Открытую войну следует предпринимать в удобной для себя местности, при хорошем войске и располагая удобным для сражения временем. В противном случае надо воевать обманом.

Врага следует уничтожать, когда его силы истощены или когда он в неблагоприятной позиции.

Если войско врага состоит из лесных племен и таким образом готово бежать из сражения, то следует заранее подкупить их или пообещать награду в случае неучастия их в битве.

На уставших от военных приготовлений следует нападать немедля или же напугать их стадами коров, буйволов, верблюдов, покрытых сухими кожами мешками с мелкими камнями, а потом уже ударить по расстроенному войску врага, отступающему и потерявшему способность управлять слонами и лошадьми, или же следует ударить по войску врага, стоящего лицом к солнцу.

Пустыня, леса, теснины, болота, горы и низменности, неровности, суда, стада коров, обоз, туман, ночь – вот наиболее подходящие условия для устройства засады.

Из древнего восточного манускрипта

Обретение веры

Воспоминания мучили, как застарелая болезнь. Вновь и вновь он видел себя плывущим по бурной ожившей после зимнего сна реке, что несла его несколько дней вдаль от людей, страдающих болезнью, зовущейся Страхом. Народ, пораженный ею, обречен.

Река, ее живительные брызги, словно смыли с Едигира всезаражающий дух смерти, которая приходит вслед за страхом. И на этот раз боги спасли его, пощадили, вырвали из ловушки, уготованной судьбой.

«Почему человеку ниспослано так много испытаний? За что они? Так выковывают сабельный клинок: то накаляя докрасна, то бросая в ледяную воду, а потом вновь в огонь и так до тех пор, пока он не станет упругим, готовым выдержать любой удар, не лопнуть, не сломаться. Неужели и мне предстоит то же самое? В чьих руках я стану послушным и негибачим оружием? И есть ли у меня право выбора или дано лишь рубить, резать, идти на прорыв? Кто даст ответ на эти вопросы?»

Едигир только заступил на караул, и ему предстояло до полудня выстоять на башне, вглядываясь в темный лес, подступавший вплотную к городку. Хорошо было остаться одному на высоком помосте, когда поднимаешься выше всех, уподобляясь птице, становишься невидимым для других обитателей городка и никто не мешает перебирать в памяти события прошедших лет.

Казалось, после ухода с иртышских берегов он прожил вторую, новую жизнь, так не похожую на прежнюю. Где-то в глубине души возникло ощущение тревоги. Он чувствовал, что это лишь начало испытаний, первые шаги длинной-предлинной дороги, которую еще предстоит пройти.

* * *

В ту весну, сбежав на лодке из городка хана Аблата, он долго плыл, теснимый льдинами по реке, а потом, найдя широкую протоку, повернул навстречу течению небольшой речки, уже очистившейся ото льда. Он уходил все дальше вслед за солнцем.

Что заставило его идти в сторону, противоположную земле предков? Он не мог дать ответ, но и не мог противостоять голосу, зовущему к солнечному закату, туда, где, по рассказам стариков, земля поднималась к небу и из нее росли камни, преграждавшие дорогу всякому путнику.

Лодку ему пришлось скоро бросить, поскольку русло реки сужалось и невозможно было перетаскивать ее через завалы огромных сгнивших деревьев, лежащих поперек течения. Да и сам-то он шел с трудом, выискивая лосиные тропы, проторенные могучими животными.

Горы начались неожиданно, обнаруживая себя поначалу лишь небольшими камнями, встречающимися на пути. Но однажды утром, проснувшись, он увидел за легкой дымкой темный силуэт леса, словно взлетевшего над землей и парившего неподвижно в небесной синеве, даже протер несколько раз глаза, отгоняя сон, но лес по-прежнему парил в небе сказочно недосягаемый.

И им овладело чувство неумейной радости, все переполняющее и клокочущее изнутри молодым вином, рождая необыкновенное, необычайное видение. Ему захотелось громко закричать, с кем-то поделиться рвущимся восторгом. И он по-настоящему пожалел, что рядом не было Зайлы-Сузге с ее мягкой улыбкой и грустью. Ему хотелось верить, будто он встретит ее непременно там, меж парящих в небе деревьев, и, вобрав в себя как можно больше воздуха, он закричал на весь лес:

– Зайла-Сузге!!! Встречай меня! Я иду!!! – и, подхватив с земли свой лук, высоко подкинул его и, поймав на лету, кинулся прямо сквозь заросли навстречу плывущим по небу деревьям.

На подъем у него ушел весь день, но уже закат он наблюдал с вершины горы, взобравшись на огромный камень-валун, ободрав в кровь руки, сбив колени, но ощущая себя сильным и свободным.

Он долго сидел на камне, провожая солнечный диск, медленно уходящий вниз, окрасивший золотыми россыпями скалы, лес, траву. И ему подумалось, что, верно, и солнце, могучее солнце, дающее жизнь всему вокруг, также неподвластно себе. И ему определен удел блуждать по небу в непрерывных поисках.

«А может, оно не одно, солнце? И утром мы видим иное существо, выходящее из-за леса? А то, прежнее, проваливается под землю, чтобы никогда уже не вернуться на небо. Да и не может оно за день пробраться под землей сквозь ее толщу и очутиться на том же месте, где было вчера. Кто же хозяин этих огненных дисков, выпускающий их раз за разом, день за днем на небо? Может, именно сейчас он, усмехаясь, смотрит на меня так же, как я разглядываю снующих по земле букашек, и может одним щелчком сбросить всех нас в пропасть или поднять к небу?»

Едигиру стало жутко от собственных размышлений, и он хотел уже спуститься вниз с валуна, когда заметил вдали меж деревьями слабый дымок, поднимающийся столбом вверх.

«Люди! – обожгла его мысль, и напряглись все мышцы. – Враги?! Но почему обязательно враги? Оттого, что я пришел на их землю? Но кто решил, что это их земля? И я имею на нее право. Она такая же моя, как и их».

Он не стал разводить костер, ночь провел в полудреме, ворочаясь на хвойном лапнике, заменявшем ему постель. А утром, еще впотьмах, начал спускаться с вершины горы на поиски человеческого жилья, решившись в очередной раз довериться судьбе.

Вскоре он вышел к небольшому ручью, струящемуся по глубокой расщелине, где без труда нашел несколько бревен, переброшенных через него. Перейдя на ту сторону, Едигир отыскал тропинку, ведущую вглубь леса, и оказался на краю поляны, посреди которой стоял небольшой домик, сложенный из круглых пожелтевших на солнце бревен. Строение совсем не походило на землянки его народа, и он долго разглядывал уложенные друг на друга бревна. Чувство тревоги сменилось любопытством, открытием чего-то нового, неизвестного.

Затаившись в кустах, Едигир долго ждал, когда кто-нибудь выйдет из дома. На всякий случай держал лук наготове, прикинув, что с такого расстояния может вполне достать любого. Наконец, не выдержав долгого ожидания, небольшими перебежками, крадучись, стал подбираться к дому, готовый в любой момент скрыться в лесу. Но никто не вышел, не закричал на него. Тогда, обойдя дом вокруг, осторожно толкнул дверь и заглянул внутрь. Людей там не было.

Едигир еще раз огляделся по сторонам и, крадучись, вошел внутрь, оставив дверь неприкрытой. Посреди дома стоял большой стол и две лавки по сторонам. У самой двери был сложен очаг из камней, обмазанных глиной. Вверху виднелось отверстие, прокопченное по краям.

Пока Едигир рассматривал небогатое убранство незнакомого человеческого жилья, снаружи послышались людские голоса и лай собак. Выглянув за дверь, он увидел, что из леса вышли двое мужчин, а к дому бегут несколько здоровенных псов, верно, раньше хозяев учувших появление незнакомца.

Путь к лесу был отрезан, и Едигиру не оставалось ничего другого, как ждать, когда хозяева подойдут ближе к дому. Мужики по собачьему лаю поняли, что в доме есть кто-то чужой, остановились, сняли с плеч длинные металлические трубки, направив их на открытую дверь.

«Ружья!» – понял Едигир. Ему и раньше приходилось видеть в купеческих караванах самопальные трубки, стреляющие железными пулями за много шагов.

Они не трогались с места, поглядывая с опаской в сторону дома, и о чем-то переговаривались меж собой. Затем один из них что-то громко крикнул и угрожающе повел ружьем в его сторону.

Едигир решительно вышел из дома, бросив на землю лук, а затем положил рядом саблю с кинжалом и развел в стороны обе руки, показывая, что он безоружен. Осмелевшие собаки кинулись на него, норовя цапнуть за ноги. Он попятился назад от наседавших псов и чуть не упал, зацепившись за бревно.

Пришедшие настороженно разглядывали его, не торопясь унять лающих собак. Наконец один из них кликнул их и подошел к Едигиру.

– Один? – спросил громко на языке, понятном Едигиру, показав указательный палец, и обвел взглядом ближние кусты, направив дуло ружья в сторону густых зарослей. – Откуда пришел?

Едигир со скрытой усмешкой разглядывал стоявшего перед ним и думал, что легко мог бы сбить его с ног, завладеть оружием, а уж потом справиться и со вторым.

Но что бы это дало? Убьет их и опять останется один? Нет, не за этим он пришел и не станет причинять им зла.

И он кивнул головой, подняв вверх правую руку и выставив один палец, а потом указал в сторону кустов и потряс отрицательно головой, давая понять, что там никого нет.

– Один, говоришь, – недоверчиво переспросил стоявший перед ним Федор, – слышь, батя, говорит, будто один пришел, – крикнул он обернувшись пожилому мужику.

Тот подошел ближе и стал внимательно разглядывать Едигира.

– Мало ли чего он скажет, верь им. Они по одному не ходят. Но этот, кажись, и впрямь один будет. Вишь, оборванный весь. Бежал, что ли, от кого?

– Видать так и есть, – согласился молодой.

– Куда идешь, кого ищешь? – спросил опять на сибирском наречии пожилой мужик Едигира.

Тот пожал плечами и неопределенно махнул рукой.

– Бродяга, значит? Ну, чего с тобой делать, коль пришел? Не выгонять же... Заходи в избу, гостем будешь... – Показал он Едигиру на дверь. Тот наклонился было к оружию, но молодой остановил его движением руки и отодвинул лук и саблю в сторону.

– Не надо. Воевать пока не с кем, – объяснил пожилой мужик.

Вошли в избу, сели на лавки. Хозяева разместились поближе к двери, прислонив ружья к стене.

– Как зовут? – спросил пожилой.

Едигир, чуть подумав, решил, что ни к чему открывать посторонним людям свое настоящее имя, и громко сказал:

– Батыр.

– Батыр, говоришь. Богатырь по-нашему, значит. Пусть так будет. А меня Тимофеем звать, а это сын мой, Федор. Понял? А прозывают нас Бортниками за то, что пчелок держим да медок с них собираем. Живем же мы под господами Строгановыми, которым эти земли от государя нашего даны в пользование. Уразумел?

Едигир согласно кивнул, с интересом разглядывая хозяев. Неожиданно он почувствовал, насколько устал от скитаний, ежедневных опасностей и тревог. Глаза у него начали закрываться, и он, почти не слушая речь Тимофея, склонил голову на грудь.

– Э-э-э, да ты, мил человек, однако, и впрямь притомился, – проговорил тот, заметив, что гость их почти засыпает, – вон ложись на лавку да поспи малость. А мы с Федькой обед сготовим, тогда тебя и подыдем.

Едигир послушно кивнул головой, стянул сапоги и примостился на жесткой лавке, подткнув под голову какую-то тряпицу. Оба мужика вышли наружу, прихватив с собой ружья.

– Откуда он свалился на нашу голову? – спросил отца Федор, поглядывая на закрытую в дом дверь. – Может, бежит от кого, тогда надо следом других ждать. А как они поглядят на то, что мы этого приняли? Худа бы не было...

– Кто его знает, откудова нынче худа ждать, – задумчиво проговорил Тимофей, – от наших воров-бродяг или от ихних. Тут земля порубежная, можно сказать, ничейная, беды жди хоть утром, хоть вечером. Все в руках Божьих. Ладно, там видно будет, что почем, а пока айда обед готовить, собаки и те не кормлены.

Едигир, казалось, проспал совсем немного, но, открыв глаза, понял, что день клонится к вечеру, и, натянув сапоги, вышел из избы.

Хозяева встретили его с улыбкой, и Тимофей, указывая место рядом с собой, пригласил:

– Вовремя встал, а то уже и будить думали. Здоров ты спать. Садись, похлебай что Бог послал.

Из рассказов старика Едигир понял, что живут тут они с сыном только летом, добывая мед, а на зиму уходят в городок, что отстоит недалеко, за ближайшим лесом.

– Тут гари были, вишь, лес поваленный лежит, а после огня хорошо иван-чай растет. Его пчелки особо любят и, почитай, весь взятки с него берут. А уж мы потом у них заимствуем. Видел когда-нибудь, как пчелки живут? Не видел? Да, ваш народ пчел, однако, вовсе не привычный держать. Завтра поведем тебя с собой, покажем, что к чему. Хочешь поглядеть, поди?

Едигир, не отрываясь от еды, молча кивнул головой. Ему было странно, что мужчина без умолку может так много говорить, даже во время еды. Так могли тараторить лишь женщины, которые в присутствии мужа замолкали и отвечали, только когда их спрашивали. Тимофей же тараторил, перемежая русскую речь словами сибирского наречия. Часть слов Едигир понимал, об остальном лишь догадывался по жестам и интонации.

Зато сын старика, Федор, был молчун и продолжал недоверчиво поглядывать на Едигира. Собаки тоже не приняли незваного гостя и щерили острые клыки в его сторону.

– Ты бы о себе рассказал, – меж тем попросил Тимофей, заканчивая еду.

– Враг пришел, я ушел, – ответил Едигир.

– Враг, говоришь? Да... А откудова пришел? – не унимался любопытный Тимофей.

– Бухара. Кучум зовут.

– Из самой Бухары?! – изумился тот. – Слышь, Федька, из Бухары приперлись, а? И тебя, выходит, погнали? А ты у них кто был? Князь или из простых, как мы?

– Батыр, – все также коротко отвечал Едигир, – воевал.

– Так я и понял. Воин, значит, ратник по-нашему. А чего один-то? Других всех поубивали, что ли? Да... неисповедимы дела Господни.

Но большего они от Едигира так и не добились. А на другой день спозаранку повели его смотреть пчел.

На склоне горы, покрытой зеленью разнотравья, стояли толстенные колоды с отверстиями в боку. Из них вылетали маленькие насекомые и уносились в сторону склона горы, а их место тут же занимали другие тяжело опускающиеся на лоток пчелы. Гудение насекомых было слышно издали, и Едигир невольно замедлил шаг, ощутив в их жужжании опасность.

– Ага, испугался... Без дела к ним не суйся, а то так нажегают, что свои не узнают. На-ка вот, надень, – и он подал Едигиру связанную из конского волоса сетку-накидку, надев точно такую же на себя.

Едва Едигир подошел к пчелиным домикам, как тут же несколько насекомых ткнулось в сетку, поползли, нутужно жужжа, перед лицом. Он испуганно мотнул головой, пытаясь сбросить их, но они цепко держались на сетке, издавая неприятное предостерегающее гудение.

– Да не обращай ты на них внимания, сами слетят, нужен ты им, – проговорил оглянувшийся на него Тимофей, – иди ближе.

Пересилив себя, Едигир подошел к пчелиным колодам, проклиная момент, когда согласился пойти сюда. Тимофей же осторожно поднял крышку на одной из колод и позвал его:

– Глянь-ка, глянь, как они там живут.

Едигир с интересом заглянул и поразился обилию пчел внутри колоды. Казалось, вся внутренность огромной пустотелой колоды заполнена снующими беспорядочно насекомыми. Они ползали по бело-желтым сотам, в которых виднелись блестящие капельки меда, ползали друг по дружке, и никто не пытался скинуть соседа, не было драк, как случилось бы непременно меж людьми. Но больше всего поразил Едигира дурманящий чудный запах, исходящий от пчелиного семейства. Он напоминал запах цветущей лесной поляны, но был гораздо многообразнее и слаще. Его хотелось вдыхать и вдыхать до бесконечности, он не возбуждал человека, как, к примеру, запах березового сока, вызывающий щемящее чувство одиночества, неприкаянности, а умиротворял, успокаивал. Какое-то чудное действие скрывалось в аромате, исходявшем от пчелиной колоды, а стройный гул рабочей семьи лесных тружениц наводил на размышления о жизни. Хотелось упасть рядом с гудящей от движения пчелиной массой на гибкую, упругую траву и, закрыв глаза, слушать и слушать натруженный гул крылатых работниц, вдыхать, втягивать в себя чарующий дух лесных соцветий, собранных и снесенных ими в почерневшую от солнца и дождей колоду.

Тимофей, увидев, как жадно вглядывается его спутник внутрь пчелиного домика, с легкой улыбкой наблюдал за суетой пчел и, вдыхая в себя ни с чем не сравнимый медовый аромат, не спешил ставить на место верхнюю крышку, позволяя ему налюбоваться вдоволь работой лесных тружениц.

Вдруг Едигир почувствовал на лице легкое прикосновение и, скосив к носу глаза, увидел ползущую под сеткой пчелу. Он тут же засунул руку внутрь, чтобы сбросить ее, но не успел. Пчела вонзила острое жало прямо в щеку. Он вскрикнул от боли, замахал руками, и пчелы, привлеченные его резкими движениями, бросились в атаку. Боль, нестерпимая боль заставила Едигира броситься вон от пчелиных колод, громко крича и мотая головой. Он стремительной рысью пронесся мимо уставившегося на него с изумлением Федора и дальше по тропинке, не обращая внимания на хлещущие по лицу ветви, устремился к речушке, с ходу влетел в нее и нырнул с головой, скрываясь от наседавших на него пчел.

– Вот тебе за любопытство! Вот тебе за глупость! – ругал он себя, выплевывая речную воду.

Когда Тимофей и Федор подбежали к речке, то увидели черную голову гостя, торчавшую из воды.

– Сильно нашкокали, видать? – крикнул ему Федор. – Пошли в дом, у меня корешок есть, мигом боль снимет. А уж потом салом медвежьим натру, должно полегчать.

К вечеру лицо Едигира оплыло и сделалось похожим на бурдюк, наполненный водой. Вместо глаз на нем остались едва заметные щелочки, и он с трудом разжимал веки, чтобы разглядеть хлопочущих над ним старика с сыном. А те, чувствуя свою вину, старались вовсю. Тимофей сменял одну примочку другой, давал чесночную воду, но опухоль не спадала.

– Ай, – махнул рукой Едигир, – пройдет.

Но опухоль на другой день стала еще сильнее. Кожа на лице натянулась, мышцы одеревенели, в голове стоял сплошной звон.

Ближе к полудню лежавший в избе Едигир услышал топот лошадиных копыт и голоса подъехавших всадников. Вскоре в дом вошел Тимофей и тихо сказал, наклонясь к больному:

– Слышь, тут с городка двое приехали, спрашивают, кто ты да откудова. Я им объяснил как мог, а они просят тебя позвать. Пошли на двор.

Выйдя на яркое солнце, Едигир сквозь опухшие веки с трудом различил двух сидящих подле избы воинов в кольчугах и шлемах. Они внимательно разглядывали его и, когда он подошел поближе, разразились громким смехом:

– Ну, Тимоха, славно басурманина твои пчелы отделали! Так ни один боец в драке не разукрасит!

– Сам ты, Тренька, тварь божья, а пчелок моих таким словом дурным не зови. А то у меня в избе в коробе специально припасены самые злые подружки для таких, как ты. Хошь вынесу?

– Избави Господь, – засмеялся тот, – и не вздумай, а то сбегу мигом. Я их шибко не жалую.

– Зато мед мой любишь больше всего на свете. А?

– Так то мед...

– Хватит языки чесать, – прервал их болтовню другой ратник, – спроси его, из каких мест он прибыл и что там за враг объявился.

Тимофей повторил вопрос, и Едигир ответил так же, как раньше:

– Из Бухары пришел враг моего народа именем Кучум.

– В какие места? Как зовутся? – Тимофей опять перевел вопрос.

– Кашлык зовется. На Иртыше, – сдержанно сообщил Едигир.

– О-го-го откудова, – удивились оба воина, – долго шел, видать.

– Долго, – подтвердил Едигир и, не прощаясь, пошел в дом.

Воины вскоре уехали, наказав бортникам сообщать обо всех, кто появится на их заимке, воеводе в крепость.

Так Едигир и остался жить с Тимофеем и Федором. Правда, подходить к пчелиным колодам он уже никогда не рисковал более. Зато охотой он мог заниматься беспрепятственно. Собаки вскоре признали его и сопровождали во всех вылазках и походах по окрестным лесам.

Постепенно он научился понимать отдельные слова, которые по складам повторял ему Тимофей.

– Лес... Вода... Земля... – Показывал он Едигиру по сторонам.

– Лес... Вода... Земля... – Повторял Едигир с легкой улыбкой, радуя старика.

– Гляди-ка, а? Быстро у тебя выходит, скоро по-нашему калякать начнешь. Молодец!

Федор редко принимал участие в их беседах, постоянно пропадая в лесу. Он почти не охотился и лишь иногда приносил пойманную в силки тетерку или рябчика. Зато в заплечном мешке он притаскивал какие-то камни и сваливал их подле дома.

– Зачем они ему? – поинтересовался Едигир у Тимофея, когда Федор в очередной раз приволок целый мешок камней.

– Как зачем? – удивился тот в свою очередь. – Неужели не понял еще? Железо в них. Потом свезем в городок и там, в кузне, железо и выкуем, а уж потом из него и ножи, и сабли – все, чего хочешь.

Едигир взял в руки один из камней и стал разглядывать красноватые прожилки на нем. Камень был необычайно тяжел и увесист.

– Чего? Тоже интересно? – спросил подошедший Федор. – Вот в городок придем, покажу, как из них железо добывают.

Но более всего Едигира интересовали ружья. И однажды он попросил Федора, чтобы он показал, как с ним обращаться. Тот согласился не сразу, переговорив предварительно с отцом. Но тот лишь рассмеялся:

– А чего бояться, покажи нашему богатырю, пушай поглядит.

Федор взял березовую чурку и отнес ее на противоположный конец поляны, установил на пенек. Потом вынес из дома ружье и принялся засыпать через дуло черный порошок, поясняя при этом:

– Эта штука зовется пищалью. Понял? В нее я порох засыпаю по мерке. Много нельзя, а то разорвет. Теперь пулю внутрь вгоняю. – И он тонким железным стержнем затолкал обернутую в промасленную кожу свинцовую круглую пулю. – Теперь порох сыплю на полку для

затравки. Вот. – Федор выбил кресалом огонь, раздул трут, а от него поджег длинный тонкий фитиль и поднес его к полке. Глухо бухнул выстрел, и чурка упала с пенька.

– Видал? – с торжеством спросил Федор. – Попал! – Он бросился к чурке и, подняв ее с земли, показал Едигиру. – Вот она пуля.

Едигир подошел ближе и увидел застрявший в дереве сероватый кусочек металла.

– Долго, однако, – проговорил он пренебрежительно, – давай снова.

– Зачем? – удивился Федор. – Я же показал тебе, как бьет. Зачем порох переводить?

– Давай! – упрямо повторил Едигир и взял свой лук.

Федор пожал плечами и поставил чурку на то же место, где она стояла до выстрела. Потом взял пищаль и начал засыпать порох по новой. Едигир же выхватил из колчана стрелу и послал ее точно в то отверстие, куда вошла пуля. Затем следующую... Еще одну... И еще... Еще...

Федор только головой крутил, поглядывая, как ровно одна к другой втыкались стрелы в березовый чурбак. Наконец он закончил заряжать и изготовился к выстрелу.

– Зачем мертвому стрелять? – пренебрежительно спросил Едигир. – Мертвый! – выразительно ткнул рукой в его сторону.

– Мертвый, мертвый, – проворчал тот, – а я заранее его заряжу, и только ты начнешь лук вытаскивать – бах! – и готово! Понял?

Но Едигир, не слушая его, с усмешкой направился к Тимофею, который наблюдал за ними со стороны.

– Мертвый! – показал еще раз Едигир в сторону Федора. – Мое оружие лучше. Так? Зачем вам эти железные палки, когда они только и могут бух-бух, а больше ничего. Тьфу!

– Сам ты мертвый, обиделся Тимофей, – не смей так говорить, а то и впрямь сглазишь. Все под Богом ходим. А коль ты такой умный, то чего к нам явился?

Неожиданно заворчали собаки, лежащие у ног Тимофея, вытянув морды в сторону леса.

Потом соскочили с места и кинулись в заросли. Едигир внимательно прислушался и настороженно поднял правую руку вверх:

– Кони... Много коней. Ваши могут оттуда приехать?

– Не, – мотнул Тимофей головой, – с той стороны вряд ли. Да и не ездят они по несколько человек враз. Двое, разве что. Тут скорее кто-то из твоих сородичей будет. А вот с добром или со злом – кто знает.

– Заходите в дом и заряжайте свои ружья, – тоном, не терпящим возражений, приказал Едигир, – сейчас проверим, на что они способны.

– Вот ведь накаркал! Как есть накаркал! – Запричитал Тимофей. – Федька, айда в дом. Никак басурманы пожаловали. Надо бы наших как-то предупредить, – уже ни к кому не обращаясь, пробормотал старик, поспешно ковыляя к дому.

Федор уже бежал вслед за отцом, неся на плече пищаль с горящим фитилем.

– А ты как? – спросил он на ходу у Едигира. – К ним, что ли, пойдешь или с нами останешься?

– Я сам по себе, – ответил Едигир, торопливо выдергивая стрелы из березового чурбака, – там видно будет.

– Да... как волка не корми, а он... – Обронил Федор, заходя в дом и плотно прикрывая дверь.

Едигир, закончив собирать свои стрелы, поправил кинжал на боку и спокойно уселся на землю посреди поляны, положив рядом колчан и лук. В это время из леса выскочили собаки, злобно лая, и юркнули под дом, продолжая рычать оттуда. На поляну вылетели один за другим трое всадников в боевых доспехах с копьями в руках. Они осадили коней и стали осматриваться, настороженно поглядывая на дом. Едигира, спокойно лежавшего на траве недалеко от дома, они не заметили.

– Эй, кто там есть, выходи, – крикнул один.

Тимофей высунул голову в дверь и крикнул:

– Чего надо? Говори так, а выходить не стану!

В маленькое оконце, напоминавшее больше бойницу для стрельбы, просунулось пищальное дуло, направленное на всадников. Те заметили это и громко загалдели, загоразивая себя щитами.

– Мы тебе плохого не сделаем, чего боишься. Моя с тобой говорить хочет, выйди к нам.

– Чего хочешь узнать? Спрашивай! – прокричал старик в полуоткрытую дверь.

– Зачем боишься? Ты нам не нужен. Скажи, сколько людей в городке есть.

– Ишь чего захотел! Скажи ему! Сколь есть – все там.

– Какой вредный, однако, будешь, а? Придется тебя достать силой, коль сам не выходишь.

Тащите его сюда, – приказал всадник, видимо, старший из них.

Но тут сзади раздался спокойный голос Едигира:

– Может, уважаемый мне ответит, зачем ему нужно в городок?

Всадники крутанулись на месте, направив копы на него. Старший спросил с удивлением:

– Кто спрашивает меня об этом?

– Я их гость...

– Ах, так?! Взять его! – крикнул старший своим нукерам.

Те, казалось, только и ждали этого момента. Один из них быстро отцепил от седла волосяной аркан и занес руку для броска. Но стрела Едигира выбила его из седла, аркан упал на землю, и лошадь, оставшись без седока, отскочила в сторону. Второй воин не стал медлить и, низко пригнувшись, закрылся круглым щитом, выставив перед собой копье, поскакал на Едигира.

В несколько прыжков Едигир достиг лошади убитого им воина, запрыгнул в седло, поднял ее на дыбы, и следующая стрела впиалась в нападающего.

Из троих, выехавших к дому, в седле остался один, судя по богатой одежде, юз-баша или кто-то из ханских мурз. Увидев, что его люди валяются на земле, он громко крикнул в сторону леса:

– Нукеры, ко мне! – и, выхватив из ножен саблю, помчался на Едигира, который не имел ни щита, ни сабли для боя. Ловко уклонившись от первого удара, припав к седлу, он погнал коня вдоль кромки леса. Юзбаша кинулся за ним.

Едигир увидел, как на поляну один за другим выезжают другие всадники. Тогда он решил скакать по тропе в сторону городка, в надежде увести отряд за собой подальше от дома. Но тут громко ухнул выстрел, и лошадь юзбаша упала на землю, придавив собой ногу всадника. Тот закричал, пытаясь высвободить ногу, оглядываясь в сторону своих нукеров. Но они были далеко от него.

Едигир, воспользовавшись моментом, развернул коня, подъехал к упавшему воину и выдернул его из-под бившегося в предсмертных судорогах животного, сорвал с юзбаша кушак и ловко скрутил ему руки сзади. Затем снял с седла аркан и набросил на шею. Оглушенный падением, он даже не пробовал сопротивляться, а широко раскрытыми глазами уставился на Едигира, тяжело дыша.

– Надо бы тебя прикончить, да, может, пригодишься еще, – проговорил Едигир, заскакивая в седло и натягивая аркан на шее пленного.

Меж тем со стороны дома раздалось еще несколько выстрелов, и конники, столпившиеся на опушке, с криками кинулись врассыпную, не предпринимая особых попыток ворваться в дом. Несколько человек погнали коней за Едигиром, видимо, надеясь освободить юзбаша. Но из дома опять грянули один за другим два выстрела, и еще две лошади покатались по земле.

– Однако хорошо стреляют, – удовлетворенно отметил Едигир, – из лука так и не вышло бы.

Он подтащил хрипящего пленника к себе и спросил:

- Сколько с тобой людей? Отвечай, а то... – и провел краем ладони по горлу.
- Полсотни, – выдавил с трудом тот, – отпусти меня, и я уведу их.
- Сейчас... Отпущу... Жди. – И потащил упирающегося пленного за собой к дому.

Федор выскочил навстречу, помог втащить в избу упирающегося юзбаши, толкнув его в дальний угол.

– Ну, ты даешь! – восхищенно поглядел Федор на Едигира. – Точно батыр-богатырь! Я и не видел еще такого...

– Ладно, – отмахнулся Едигир, – как дальше будем?

– наших с городка надо поджидать, – оторвавшись от смотрового оконца-бойницы, ответил Тимофей, – услышат выстрелы, поди, придут на выручку. Ай! – вдруг вскрикнул он и схватился за левую руку. – Достали-таки, окаянные! – и он, повернувшись, указал на торчавшую в предплечье стрелу с ястребиным оперением на конце.

– Сейчас, батя, вытащу, – бросился к нему Федор. А со стороны леса уже неслись громкие крики нападающих, и Едигир, глянув в оконце, увидел, что около десятка человек идут кто с луками, а кто с копьями наперевес на приступ дома. Он выбрал переднего и послал стрелу. Раздался громкий вопль, и в оконце одна за другой влетели две ответные стрелы, воткнувшись в пол.

– А ну, иди сюда, – схватил Едигир за плечо юзбаши и подтащил его к оконцу, – пускай они в тебя стреляют.

– Юзбаши взвыл, дернулся и попытался отскочить от оконца, но Едигир пригнул его головой вниз и приказал:

- А ну, кричи им, чтобы прекратили стрелять, а то тебе худо будет. Кричи, тебе говорят!
- Не стреляйте! – закричал юз-баша.
- Так-то оно лучше, – усмехнулся Едигир, – хоть на что-то годишься.
- Кажется, наши скачут, – проговорил Тимофей, прислушавшись, – слава тебе, Господи.

И точно, раздался топот лошадиных копыт, потом грянуло несколько выстрелов, нападающие громко заверещали и кинулись в лес. В это время пленный, сумевший освободить связанные руки и никем не замеченный, пробрался к двери и кинулся наружу.

– Держи его! – крикнул Федор и схватился за ружье.

– Не уйдет, – ответил Едигир, метнув под ноги беглецу свой лук, и тот, запнувшись, упал с крыльца, покатился по земле прямо под ноги прибывшим из городка воинам. Двое из них спрыгнули с коней, навалились на барахтающегося под ногами юзбаши, ловко скрутили ему руки.

– Ну, сынки, спасибо вам! – Тимофей вышел из дома и сел на крыльцо, оглядывая всех радостными глазами. – А я уж думал все – али спалят, али в полон угонят. Спасибо батыру нашему, ловко он с ними разделался, а то бы... – и он безнадежно махнул рукой.

Прибывших на выручку было около десятка человек, но у каждого имелась пищаля и поверх кольчуги одеты поблескивающие синевой стальные панцири.

– Ладно, что дозорные слышали пальбу. Воевода нас и выслал, а то бы и впрямь спалили вас басурманы, – подкручивая длинный ус, проговорил широкий в плечах всадник на гнедом мерине, – видать, боле вам тут оставаться нечего. Собирайтесь быстрее да айда с нами в городок.

– А пчелок бросать, что ли? – жалобно спросил Тимофей.

– И руду, что насобирал, взять бы надо, – подхватил Федор.

– Коль жизнь не дорога, то оставайтесь, караульте своих пчел. А руде чего сделается, потом возьмешь.

– Ладно, – вздохнул Тимофей, – сейчас готовы будем. А ты куда? С нами пойдешь или в иное место? Чего думаешь? – обратился он к Едигиру.

Тот стоял чуть в стороне от всех, опираясь на лук, и внимательно разглядывал прибывших воинов. Его и самого давно мучила мысль, куда идти дальше. Обратного пути не было, а значит... значит, придется идти в городок. Будь, что будет. И он кивнул головой:

– С вами пойду.

– Ишь ты, – удивился длинноусый, – по-нашему калякает. Раз добрый воин, то почему не взять, – ответил он на вопросительный взгляд Тимофея, – в крепости каждый воин сгодится.

...Так Едигир оказался в городке у русских купцов Строгановых. Больше всего на свете поразили его в крепости мощные стены, срубленные из вековых бревен и двуглавая церковка со звонницей. Она смотрелась весело и нарядно, светясь осиновыми лемешками, покрывавшими шатер крыши. На куполах поблескивали медью кресты, словно раскинувшая крылья птица, что устремилась в небо, да так и не взлетела, застыв на острие купола. Вечерами внутри церковки зажигались огоньки лампад и свечей, струились тонкие запахи, притягивая к себе обитателей городка.

Увидев первый раз бородатого батюшку в длинной до земли темной одежде, неторопливо идущего меж домов, Едигир остановился и долго следил за ним, пока тот не вошел в церковь. Это про них рассказывали некогда купцы, побывавшие в Московии. Пугали Едигира, что придут русские бородатые попы, порушат богов, заставят молиться и почитать своего бога.

Было в тех рассказах что-то пугающее и одновременно притягивающее. Хотелось узнать, чем русские боги отличаются от сибирских. Может, не так они и страшны? Кто знает...

Едигиру хотелось войти в церковь, поглядеть, как русские люди беседуют со своим богом, что просят у него, какие подарки несут. Но он долго не решался переступить порог сумрачного жилища чужих богов, боясь, что прогневит своих, ему покровительствующих. А тот, русский бог, примет ли он его, поможет ли...

Разрешил его сомнения Тимофей, заметив любопытство Едигира к русскому храму. Их поместили на жительство в доме, где уже обосновались несколько воинов, занятые охраной крепости. Как-то вечером Тимофей с сыном, надев новые чистые рубахи, расчесав смазанные душистым маслом волосы на пробор, направились вслед за остальными мужиками из дома. Взглянув на одиноко сидевшего на лавке у окна Едигира, Тимофей спросил:

– Может, и ты в храм с нами пойдешь? Мы тебя не неволим, но хоть посмотри на службу, послушай. А там уж сам решай – оставаться тебе дальше или обратно сбежишь. Пошли с нами.

Не желая обижать их, Едигир пошел на службу. В церкви собралось почти все население городка. Люди стояли, обнажив головы, перед батюшкой, что-то громко читающим по толстой книге, лежащей перед ним. Задняя стена храма была изукрашена деревянной резьбой в виде чудных цветов и плодов. Там же висели разного размера доски, с которых на Едигира смотрели бородатые лица людей. В центре помещалось изображение женщины с ребенком на руках. Она нежно прижимала дитя к себе, и взгляд ее, направленный поверх людских голов, задумчивый и печальный, таил легкую грусть и скрытое страдание.

– Кто это? – спросил Едигир шепотком у Тимофея и кивнул в сторону женщины с ребенком на руках.

– То Богородица, – так же тихо шепотом ответил он и перекрестился, – мать Христова.

– А он кто?

– Христос? Он – Сын Божий и Спаситель наш.

– От чего спаситель? От врагов?

– И от врагов тоже. Его Господь отправил на землю, а люди распяли. Давно это было.

– За что? – поразился Едигир.

Но на них начали оглядываться, и Тимофей махнул рукой, показывая, мол, не место для разговоров.

А вечером Едигир долго выспрашивал у старика, кто такой Христос и почему он пришел на землю, кто его родители и о многом другом. Тимофей терпеливо, как умел, отвечал ему, а потом посоветовал:

– Ты бы к батюшке сходил, он лучше расскажет обо всем. А захочешь, так и окрестит тебя в нашу веру.

– Это как окрестит?

– Молитву над тобой прочтет и будешь одной веры с нами. Крест на шею повесит, чтобы защищал тебя от врагов...

– Как защищал? – не понял тот. – Я себя и сам могу пока защитить.

– Себя ты от людей можешь защитить, а вот от чертей да бесов сам не сможешь. Для этого крест и нужен человеку.

– А креститься зачем? – не унимался Едигир.

– Слушай, я тебе не батюшка! – не выдержал старик. – Вот как придешь к нему обо всем и выспрашивай. Понял?

– Понял, – вздохнул тот.

Через несколько дней Тимофей сообщил Едигиру, что батюшка ждет их и готов переговорить обо всем, что тому интересно узнать о вере христианской. Сам он готов быть толмачом при Едигире, поскольку русской речи он хорошо пока не знает.

Едигир воспротивился было такому повороту. Не привык, чтобы кто-то решал за него то, что он и сам в состоянии решить. Но Тимофей и не пытался уговаривать, а лишь пожал плечами: «Не хошь, как хошь». Чуть посидев, Едигир наконец решился: «Будь что будет». Он всегда сможет обратиться к своим богам и отвергнуть русского. А узнать о таинственных русских божествах было интересно. Что-то подталкивало его, звало, манило.

Батюшка встретил их со степенной сдержанностью и больше расспрашивал Едигира: кто он да откуда, как попал в городок. Его пронизательные темные глаза смотрели на собеседника со вниманием и сочувствием. Казалось, именно с него списаны лики святых, находящихся в церкви. Едигира так и подмывало поинтересоваться – не его ли предки изображены на стенах.

Потом Едигир приходил к батюшке еще несколько раз и даже пытался спорить с ним, заступался за своих богов, которых батюшка помянул недобрым словом. Но далеко ему было до опытного в подобных спорах священника, который, оставляя за собеседником право выбора, в то же время твердо и без нажима подводил его к мысли о временности бытия на земле, о вечном блаженстве и путях спасения души. Перед Едигиром как будто новый мир открылся, наполненный красками и оттенками. Домой он возвращался грустный и задумчивый, но и просветленный иным зрением на вещи и людей, его окружающих. Хотелось вернуться обратно, спросить еще о чем-то, возразить, усомниться в законах христианских...

Днем он беспрепятственно мог уходить в лес и бродить в одиночестве, размышляя обо всем. Не было рядом старого шамана, с которым мог бы посоветоваться, обратиться к богам... Он был один в новом незнакомом мире и даже стал ловить себя на мысли, что боится... Боится не смерти, а пустоты, возникшей неожиданно в нем. Она пугала больше всего.

Он подошел к огромной разлапистой березе с обломанной верхушкой и, прислонясь к стволу, зашептал:

– Как мне жить одному на свете, потерявшему все. Нет у меня ни брата, ни жены, ни детей. Нужна ли мне жизнь? Зачем она мне? У тебя, береза, вон, сколько родни и друзей – протяни ветку – и достанешь. А мне тяни не тяни руку, а чужие люди кругом. Почему оставили боги меня? Чем я прогневил вас?

Налетел слабый ветерок. Зашелестели листочки на березе, зашушукались меж собой. Слышится Едигиру, будто смеются они над ним, а совета дать не желают.

– Смеешься? – вскрикнул он. – Смешной я, да? Чужой я тебе? А вот русский батюшка говорит, что любить ближнего надо, как себя самого. И я хочу, пусть любят меня и сам любить хочу. Хочу!

Стих ветерок, улетел дальше. Успокоились листочки на березовых ветвях, опустились на лицо плачущего мужчины, гладят, ласкают, оттирают слезы.

– Спасибо тебе, береза. Утешила. Выходит, больше и некому. Обратно мне хода нет на свои земли. Тут жить надо. Приму их веру. Может, так и надо.

Вечером он вошел в храм задолго да начала службы и обратился к священнику:

– Хочу одной веры с вами быть. Креститься хочу.

– Выходит, наставил тебя Господь, коль так решил. Не спешишь ли, сын мой? Нет ли в сердце твоём корысти какой или злобы?

– Не знаю, что это. Хочу, чтобы помог Бог христианский вернуть мне земли предков моих. Хочу одолеть врагов своих.

– Коль те враги веры христовой, то Господь даст тебе силы в борьбе с агарянами неверными. Но о каких землях ты говоришь?

И Едигир решил открыться батюшке, рассказать, как был изгнан из земли своей, как хотел умереть, но очутился здесь.

– То все промысел Божий, – положил ему руку на плечо священник, вглядываясь пристально в глаза, – выходит, не простой ты человек, а князь сибирский. Кому еще открылся в том?

– Никому не говорил. Зачем?

– И правильно сделал. Одному Господу известно, кому уготовано царствие его земное и небесное. Но вижу, не готов ты пока для борьбы с врагами своими. Нет в тебе веры. А без веры сгинеешь в первом же бою.

– А когда она придет? Вера?

– То опять же Господу известно. Молись и проси, чтобы дал сил тебе. Вера с молитвой приходит. Надо бы тебе по святым местам походить, со старцами побеседовать, себя испытать. Тогда и откроется тебе замысел Господень, направит он тебя на путь истинный. Слышал я, будто собирают обоз в Москву по зиме везти. Попрошу воеводу, чтобы направил тебя с тем обозом. А там сам смотри. Пока же молись Богу, как умеешь, по-своему, а завтра и окрещу тебя. Скажи Тимофею, чтобы пришел, крестным твоим будет.

– Хорошо, – наклонил голову Едигир, – скажу.

– А какое же имя тебе выбрать? – Батюшка открыл книгу в толстом кожаном переплете и перевернул несколько страниц, зашевелил губами, водя пальцем по темным буквам. – Значит, не простой ты человек, говоришь? Княжеского рода... Царского, по-нашему, можно сказать. А завтра, как есть, день святого Василия значится. Василий с языка греческого и переводится как «царственный». Вот ведь оно как получается... Гляди-ка. – Повторял он в задумчивости.

Назавтра Едигир пришел в церковь вместе с Тимофеем. Тот о чем-то шепотом переговорил со священником и, повернувшись, спросил у Едигира:

– Батюшка говорит, чтобы я отцом твоим крестным был, как ты? Возьмешь в отцы?

– Да, – коротко согласился он.

– Тогда приступим к святому таинству, – произнес батюшка и дал Едигиру в руки желтую восковую свечу.

Когда они выходили из храма навстречу яркому солнечному свету, то Тимофей, шедший чуть впереди, с усмешкой глянул на своего крестника и спросил:

– Ну, раб Божий Василий, чувствуешь себя христианином?

– Нет пока, – откровенно признался он, – но очень хочу. Правда.

Узнав о крещении воина, спасшего жизнь бортникам на лесной заимке, воевода вызвал его к себе и спросил, согласен ли он пойти на службу к господам Строгановым. Он согласился.

– Тогда целуй крест и заступай, с Богом. Ты теперь нашей веры. К своим обратно не сбежишь.

О ПОЛОЖЕНИИ СИЛЬНЕЙШЕГО

Если противник не идет на мир, то следует обратиться к нему следующим образом: «Такие-то государи, поднав под власть шести страстей, погибли. Не должен ты следовать по пути этих безумцев, смотри на свою выгоду и на закон. Те, кто кажутся тебе друзьями, – в действительности, твои враги, которые побуждают тебя к необдуманным шагам, к незаконным действиям и к пренебрежению своими собственными выгодами. Биться с воинами храбрыми, не жалеющими жизни необдуманно, вызывать потери в людях с обеих сторон – незаконно, оставлять без внимания явную выгоду и покидать хорошего друга есть пренебрежение своей собственной выгодой. Бойся, что вчерашние друзья твои сами нападут на тебя. Ты будешь всеми покинут, будешь лишен опоры, и им легко будет покончить с тобой».

Если и после этого противник не согласится на союз, то следует вызвать возмущение в его землях, заслав туда своих людей.

Из древнего восточного манускрипта

Ябалак – Серая сова

Проводив бухарских послов, Кучум призвал к себе Карача-бека и Мухамед-Кула. Он внимательно поглядел на визиря, смотревшего, как всегда, в сторону, прячущего свои мысли, зато племянник, наоборот, ловил каждое его слово, стремясь понять, чего хотят от него, и спешил высказать свое мнение. Был он худощав и строен, как молодая лоза, но в походке мягкой и стелющейся угадывались черты, которые позже обозначатся и выявятся. Кучуму вспомнился барс, живший в отцовском зверинце. У него была такая же мягкая поступь и чуть вытянутая вперед шея. Он подолгу кружил в своей клетке, словно не замечая людей, стоящих рядом, а потом одним прыжком кидался на прутья, стараясь зацепить лапой человека, отскакивал в сторону, рычал и, утратив интерес к недостижимой жертве, начинал снова и снова кружить по клетке. Но при этом хитро косился желтыми глазами на толпившихся людей, прикидывая расстояние для нового прыжка. И нет более коварного зверя, сильного и ловкого, всегда готового к броску.

«Такого лучше не дразнить, опасно. Что-то он унаследовал от отца, а что-то от деда. Пока я силен – не тронет. Но придет полоса неудач, берегись, сломает хребет».

И Карача-бек, и Мухамед-Кул поняли, что неспроста призвал их хан, будет серьезный разговор, и опустили на войлок перед ним, склонив головы.

– Слава Аллаху, послов проводили и будем ждать, что ответит хан Абдулла, – начал Кучум издали, – но надеяться на помощь от него особо не стоит. Он сам думает, как бы с нас побольше урвать.

– Пусть попробует, – горячо откликнулся Мухамед-Кул, – наши нукеры пока еще крепко держат оружие.

– Не об этом речь, – прервал его Кучум, – у него своих забот хватает, и воевать с нами он и не думает, иначе не направил бы послов. Но нам нужны и друзья. Одним в этом мире жить трудно.

Карача-бек согласно кивнул головой, но промолчал.

– Мы – в центре Сибирской Земли, и нам надо собирать вокруг себя всех живущих по сибирским рекам князей. Они должны понять, что вместе мы сильнее. Но им надо забыть о прежних раздорах и покориться нашей воле.

– Пойдут ли они на это, – в задумчивости проговорил Карача-бек, – северные князья привыкли жить сами по себе, и наша дружба им не нужна. К тому же половина из них платит дань московскому царю.

– Да, длинные руки у царя Ивана. Вон куда дотянулись. Но если они ему платят дань, то пусть и нам дают. Московский царь далеко, а мы – рядом.

– У московского царя сильное войско. Он покорил уже многие ханства и княжества, и лучше не становиться ему поперек дороги, – возразил хану Карача-бек.

– А я пока не хочу ссориться с московским царем. Он хозяин на своей земле, а я – здесь на этой земле.

– Чтобы иметь друзей, надо платить, – не сдавался Карача-бек, – и нам надо направить послов в Московию, уведомить о своей дружбе.

– Все, что можно отправить, мы отправили в Бухару хану Абдулле, – громко и не сдерживаясь, рассмеялся Кучум, – правда, послов можно еще нагнать и забрать у них меха. Объясним, что ошиблись.

– Зачем, – Карача-бек говорил с ханом как с неопытным в государственных делах ребенком, и это злило Кучума, – в Московию отправим то, что должны послать северные князья. Только вместо них поедут наши послы.

– Это как? – устался на Карача-бека Мухамед-Кул. – Отобрать?

– Зачем отобрать. Их надо сделать нашими подданными. Мы будем охранять их от врагов, а они пусть платят нам за это.

Кучум, выслушав его, надолго задумался и, помолчав, кивнул:

– Да, у моего визиря голова работает хорошо. Лучше и не придумаешь. А чтобы северные князья особо не возражали, отправим к ним наших послов, а с ними и воинов для большей убедительности. Ты, Мухамед-Кул, поведешь их. Я так решил. Через два дня и выступите. Иди, готовься к походу.

Радостный юноша так и подпрыгнул, не прощаясь, выскочил из шатра. Кучум, не сдержавшись, улыбнулся вслед ему. Но Карача-бек, оставаясь спокойным, негромко заметил:

– Молод он еще сотни водить.

– Молодость быстро проходит. Пусть покажет себя в деле. Тебя же хочу послать в Казанское ханство. Нам нужны мастера по оружию. То, что сделали наши кузнецы, никуда не годится. После двух выстрелов стволы разрывает. Как хочешь, а мастеров из Казани привези.

– Хорошо, мой господин, все выполню.

– Семейю привез в Кашлык?

– Да, мой господин. Они здесь.

– Мне доносили, будто русские люди стали строить свои крепости на склонах гор, что русские зовут Уралом. Побывай у них. Осмотри все сам. Сколько их и надолго ли пришли. Понял?

– Все сделаю.

– Тогда, прощай. И выступай не мешкая.

Оставшись один, Кучум ощутил некое беспокойство от предстоящих событий, которые сам же и торопил. Но не мог он, сидя в шатре, ждать, когда окрепнут соседи и придут под стены Кашлыка. Надо торопиться самому, пока жизнь не станет торопить тебя.

Он вышел из шатра и прошел на обрыв, взгляделся в противоположный берег. Там пасся табун коней и все излучало покой и безмятежность.

* * *

Утром Мухамед-Кул, сопровождаемый двумя десятками своих нукеров, половина из которых были такие же юноши, дети местных беков и мурз, оглашая пробуждающийся от сна лес громкими криками, покинули городок. В ближайшем улусе к ним присоединилась сотня Януша, находившаяся на отдыхе. К полудню они достигли городка Атик-мурзы, где их поджидал сам мурза с тремя сыновьями и родичами, а вместе с ним было еще полторы сотни воинов. Вечер застал их неподалеку от Девичьего городка.

Вместе с Мухамед-Кулом в поход шли и его молодые друзья – родичи знатных беков: Айдар – сын Кутая и Дусай – сын Шигали-хана. Для них это тоже был первый поход, и они намеревались показать свою удаль и доблесть, омыть сабли кровью врагов.

Айдар ехал по правую руку от ханского племянника и зорко посматривал по сторонам, время от времени поправляя шлем на голове, гордо оглядываясь на идущие следом сотни. Его пухлые щеки со следами юношеского румянца не были иссечены ветрами походов, но в глазах светилась радость от предстоящего сражения, а тонкие ноздри втягивали дурманящий запах конского пота, столь привычный воину. В голове рисовались картины схваток и победного возвращения обратно, когда за стены ханского городка их выйдут встречать все жители и с восхищением будут разглядывать победителей. Себя же он видел едущим впереди своей сотни с перевязанной левой рукой, с пятнами крови на одежде. «Герой, каков герой» – будут показывать пальцами старики, а девушки – ах, девушки! – прятать в цветастые платки смущенные лица, посверкивая темными глазами. И Айдар улыбался, представляя радость встречи, при-

шпоривал коня, но тут же натягивал повод, когда оказывался впереди Мухамед-Кула, зорко следившего за строем.

По левую руку от ханского племянника ехал на белой невысокой кобылке вялый и медлительный Дусай, чей отец, Шигали-хан, доводился дальним родичем тестю Кучума и год назад вместе с несколькими нукерами перебрался в Кашлык, бежав от мести ближайших соседей. Он правильно рассчитал, что сибирский хан, остро нуждающийся в поддержке и такой же пришелец, как он сам, будет рад каждой сабле, поднятой в его пользу. Посылая старшего сына, Дусая, в поход с ханским племянником, Шигали-хан надеялся стать со временем наместником Кучума на вновь завоеванных северных землях. Сам же он, опытный рубака и наездник, посчитал ниже своего достоинства участвовать в походе, где башлыком был поставлен безусый юнец, ханский племянник. Под его началом Шигали-хан сражаться не станет. Вот если бы башлыком поставили его... Но Кучум посчитал, что поход будет легким и непродолжительным. Хан не верил, будто северные князья смогут оказать сопротивление его сотням, потому и послал Мухамед-Кула башлыком, впрочем, приставив к нему опытных воинов для присмотра.

Мечты Дусая не были столь честолюбивы, как у Айдара. Он думал лишь, как быстрее вернуться из похода и отправиться со старыми воинами на соколиную охоту за утками, где можно вечером у костра вволю слушать рассказы стариков о злых духах, о набегах, оставшихся без пристального внимания отца. Тот постоянно посмеивался над медлительностью и нерасторопностью Дусая, придумывал обидные прозвища, а он, скрывая обиду, делал вид, будто безразличен к упрекам и насмешкам, что еще больше злило Шигали-хана.

Единственное живое существо, которое любил и доверял ему, – его белая кобылка, с ней он были неразлучен последние два года. Холодными вечерами Дусай укрывал ее теплой попоной, подкармливал вкусными лепешками. И кобылка платила ему тем же, всегда радостно встречая своего хозяина. Дусай никогда не пользовался шпорами и нагайкой, а чтобы подбодрить, нежно шептал ей в ухо: «Быстрее, милая, быстрее!» – и та, послушная хозяйской воле, стелилась в стремительном беге, переходя с тряской рыси на галоп, и не отставала даже от рослых жеребцов, словно понимая, что хозяин ее не должен быть последним.

Совсем об ином думал Мухамед-Кул, полузакрыв глаза, дремал, покачиваясь в седле, слегка наклонившись вперед. Он почти не спал в прошлую ночь. Возбуждение от предстоящего похода, в котором он, Мухамед-Кул, впервые сам поведет в качестве башлыка сотни в набег, не давало ему заснуть. Он несколько раз выходил из своего шатра, зябко кутаясь от порывов холодного ночного ветерка. Рядом стоял шатер Кучума, откуда слышалось время от времени глухое покашливание дяди. Тот, верно, тоже не спал, занятый своими мыслями. Все давно привыкли к внезапным появлениям хана посреди ночи на сторожевых башнях городка, и никто не знал, когда он спит, а когда бодрствует. Мухамед-Кулу хотелось зайти в шатер к нему, рассказать о своей радости, бурлящей и опьяняющей, поблагодарить, но... Что-то останавливало. Может, воспоминания о гибели отца, а может, робость перед немигающими глазами хана, чей взгляд не мог выдержать ни один из его приближенных.

Про Кучума шептались, будто он читает мысли, видит насквозь человека и, страшно подумать, может наслать взглядом своим любую болезнь. Мухамед-Кул, в котором детская боязнь сочеталась с почтительностью к старшим, избегал смотреть в глаза сибирскому хану.

Вспоминался ему давний рассказ, услышанный им от пастухов, будто приходилось многим путникам встречать хана, блуждающего ночью по речным поймам в одиночестве, когда накануне видели его совсем в ином месте за много переходов отсюда. Будто мог он обернуться волком и, незаметно подкравшись к конскому табуну, свалить жоака, порвать клыками горло и, выпив всю кровь, исчезнуть, как не бывало.

И сам Мухамед-Кул нередко замечал, как вздрагивали кони при появлении возле них Кучума, начинали испуганно прядать ушами, храпеть, норовили сбросить с себя седока и умчаться подальше в луга.

Не только кони, но и люди ощущали неловкость в его присутствии и, сказав несколько слов приветствия, спешили уйти подальше от всепроникающего ханского взора.

Только один Карача-бек, казалось, нимало не заботился о чарах сибирского правителя, которые вовсе не действовали на него. Или он сам мог читать людские мысли и был равен Кучуму в этом, а может, и превосходил в чем-то, касающемся власти над людьми. Но робости перед ним он не испытывал. Это ставило Карача-бека, если не в один ряд, то на второе место во всем ханстве после Кучума.

А случись что-то с самим ханом, именно он, Мухамед-Кул, должен занять его место, стать правителем Сибири. Да, но разве будут испытывать подданные ту же робость или даже страх перед ним? Станут ли отводить взгляды, потупив в землю глаза? Будет ли его слово законом для всех и каждого? Нет! Нет! И тысячу раз нет!!!

– Кони устали! – громко крикнул кто-то сзади Мухамед-Кула и вывел его из глубокой задумчивости, заставил вздрогнуть. Он резко натянул повод и повернулся лицом к кричавшему всаднику. То был пожилой сотник Янбакты, пришедший в Сибирь вместе с Ахмед-Гиреем и опекавший Мухамед-Кула после смерти отца. Ему позволительно было то, что другим молодой царевич не простил бы.

– Значит, привал?

– Да, мой улы патша⁶, пора делать привал, – ответил тот, не побоявшись назвать его «улы патша», наследником ханства. А ведь многим это могло не понравиться. У хана везде свои люди, и до его ушей порой доходит то, чего не дано слышать простому смертному.

– Что это за место? Чей городок? – Мухамед-Кул указал рукой в сторону видневшихся на крутом иртышском берегу укреплений. – Почему никто не выходит встречать нас? Или мы не на своей земле?

– То земля нашего достопочтенного хана, мой царевич. А добрались мы до Кызлар-туры – Девичьего городка. Там содержатся знатные девушки из семейств местных мурз и беков. Им запрещено выходить замуж, и будут они жить в городке до конца дней своих.

– Не здесь ли погиб мой отец? – помолчав, спросил юноша, и две небольшие складки прорезали его широкий лоб, не изборожденный пока отметинами жизненных невзгод.

– Да, неподалеку отсюда, – помедлив, кивнул головой Янбакты.

– Был ли ты в то время с моим отцом?

– Да, мой царевич, я был рядом с ним и поднял его еще живого с земли.

– Почему ты никогда не рассказывал мне об этом, сотник? Или, ты думаешь, я не должен отомстить за смерть отца?

– Мужчина не воюет с женщинами. Это ниже его достоинства. Не пристало и тебе думать о том. Зачем шевелить прах умершего?

Янбакты говорил, не опуская глаз, и они сверкали, как два огонька, на покрытом слоем пыли лице сотника. В них было предупреждение и тревога. Это Мухамед-Кул прочел отчетливо. А хотелось расспросить юзбаши о многом, но рядом гарцевали любопытные до чужих тайн нукеры, подтянувшиеся поближе к ним, и Мухамед-Кул хрипло выкрикнул:

– Всем спешиться! Привал! Разобраться по сотням. Янбакты назначаю начальником ночной стражи.

Со всех сторон послышались радостные крики, и несколько сотен ног глухо застучали по земле. Звон стремян, бряцанье уздечек, конское ржание, запах пота и дыма от запылавшего на берегу первого костра – как все это знакомо бывалому джигиту, для которого жизнь делится на две половины – в седле и на земле.

⁶ Улы патша – царевич.

«С седла до рая достать легче», – шутили старики. – «По земле зверь пешком ходит, а человек верхом ездит», – поддакивали бывалые воины. – «Седло, что баба, как залезешь, так и слазить не хочется», – откликались безусые юнцы.

Следом за боевыми сотнями подошли неторопливые кашевары, передвигающиеся на нескладных повозках со сверкающими медными казанами. Кто-то из шутников огрел плетью казан по широкому боку, и тот жалобно отозвался, загудел и умолк.

– Так ему! Чтоб не отставал, не мешкал! – закричали воины, почуяв роздых и обильный ужин. – Жрать охота, а они едва тащатся!

Кашевары лениво переругивались с воинами, устанавливая на треноги пузатые котлы, раскладывая под ними сухие щепки. Лагерь загудел, зашевелился, как муравейник, замелькали озабоченные лица десятников и полусотников, снаряжающих воинов в караул, из леса послышались глухие удары топоров, а табунщики уже гнали расседланных лошадей на пастбище. Воинский лагерь скорее напоминал торговый караван, нежели слаженный организм, каким станут сотни в момент атаки, послушные взмаху руки менбаши. Сейчас это были просто уставшие люди, радующиеся отдыху и, казалось, забывшие о смерти, навстречу которой отправились в очередной раз.

К Мухамед-Кулу подлетел неустоимый и вечно бодрый Айдар и, взволнованно размахивая руками, выпалил:

– Я такое узнал! Там Кызлар-туры – Девичий городок!

– И что из этого? – отозвался царевич, презрительно закусив губу.

– Мы можем пробраться туда. Разве не ясно?

– Остынь, Айдар. Мы в походе.

– Никому не запрещено оставаться в походе мужчиной.

– Вот и будь им.

– Я не узнаю тебя, Мухамед-Кул. Или мы вместе не бегали на игрища, не уводили в лес девушек? Что изменилось?

– Многое. Пойдем мы – пойдут и остальные. А утром их не собрать.

– Пойдем, когда стемнеет, никто и не увидит. Возьмем с собой лишь Дусая.

– Он скорее завалится спать, чем потратит ночь на девушек, – рассмеялся царевич, – или ты его плохо знаешь.

– Да что нам Дусай! Пусть спит себе, а мы отправимся вдвоем, – не унимался Айдар.

Они не заметили, как сзади к ним подошел юз-баша, услышав последние слова Айдара.

– Молодые люди никак собираются в Девичий городок? Так я понял?

– Не твое дело, – зло огрызнулся Айдар, – ты нам не начальник. Тут есть и поглавнее тебя.

– Юзбаша знает свое место. Но осмелюсь напомнить, что наш хан под страхом смертной казни запретил показываться в городке кому бы то ни было. Под страхом смерти, – добавил он, разделяя отчетливо слова.

– Вот и не показывайся, – вконец разозлился Айдар, – а нам не мешай.

– Можно, я сообщу что-то важное моему господину? – обратился к царевичу Янбакты. – Мне бы хотелось, чтобы он один слышал это.

Айдара, словно плетью перепоясали поперек спины. Он кинул злой взгляд на сотника, но счел за лучшее промолчать и отойти.

– Патша улы будет удивлен, если узнает, что в городке находится сестра твоего отца, – тихо произнес Янбакты, но Мухамед-Кул услышал каждое слово и, вскинув глаза на юзбашу, удивленно переспросил того:

– Как ты сказал? Кто живет в городке?

– Родная сестра твоего отца, твоя тетка, – повторил тот.

– Но почему она здесь?

– То долгая история, и не мне судить, как все вышло.

– Но ведь я должен знать! Почему от меня скрывали? Что предосудительного она совершила? За что находится под охраной?

– Об этом может рассказать она сама. Если пожелает.

– Она расскажет!

– Как знать, – развел руками Янбакты, – как знать. Про нее всякое говорят. С кем захочет, с тем и будет говорить. А нет, так никто и не заставит.

– Наша порода, – откликнулся Мухамед-Кул, – узнаю. Так что мне делать? Я должен с ней говорить.

– Что бы ты делал без своего сотника? Ох, молодость, молодость! Твой сотник и это предусмотрел. Чем можно тронуть женское сердце? Добрыми подарками. Любая женщина на них откликнется, не устоит. Пусть патша улы чуть подождет, – с этими словами Янбакты поспешил к костру и вернулся с небольшим кожаным мешочком, который подал в руки Мухамед-Кулу.

Развязав шнурок, стягивающий горловину мешочка, тот увидел внутри поблескивающие матово-серебряные браслеты, а меж ними голубели камешки нанизанных на тонкий шнурок бус. Царевич ухватил двумя пальцами один из них и медленно потянул наружу. Камешки, словно ручеек, потекли, заструились, игриво дразня своим блеском, посверкивая гранеными боками.

– Хороши... – Проговорил он уважительно. – Ай, да Янбакты! Ну, хитер! Ну, молодец! Удружил. Так что, теперь можно и в городок идти? За такие подарки мы любую девушку наружу выманим.

– Ой, не спеши, царевич. Уж больно быстр. Сперва надо стражникам поднести, а потом служанкам твоей тетушки. И только потом они ей передадут твое приглашение. Понял?

– Как не понять. Идем.

– Дружков своих звать не станешь? – с усмешкой спросил Янбакты, догоняя вышедшего за черту лагеря Мухамед-Кула. Но тот лишь зло блеснул глазами и, ничего не ответив, зашагал быстрее, сжимая в руках мешочек с украшениями.

Подойдя к караульной башне городка, Янбакты громко свистнул, а когда сверху на смотровой площадке показалось заспанное лицо караульного, крикнул ему:

– Ночная сова покинула свое дупло?

– Ночной сове нездоровится, – ответил тот и начал медленно спускаться по приставной лестнице.

Мухамед-Кул с удивлением глянул на юзбаши, но не решился ни о чем спрашивать. А сотник лишь загадочно улыбнулся, собрав вокруг узких щелочек глаз тонкие морщинки на смуглой коже.

– Всеу свое время, улы патша, – приложив палец к губам, – скоро ты сам все узнаешь.

Меж тем отворилась небольшая дверца возле главных ворот, и к ним вышел охранник, позевывая и почесывая широкую грудь.

– Славен Аллах наш на небе и дела его на земле, что прислал таких гостей. С чем пожаловали?

– Воистину так, – поклонился ему Янбакты, – велик Аллах и не нам, смертным, обсуждать дела его. Я же привел к кызы патша⁷ ее племянника, о котором она лишь слышала, но не имела счастья видеть до сих пор.

– Пожелает ли уважаемая кызы патша говорить с ним, – охранник внимательно оглядел стоящего поодаль Мухамед-Кула, и взгляд его задержался на кожаном мешочке, который тот тербил в руке.

⁷ Кызы патша – царевна.

– А ты не говори, кто к ней пожаловал. Передай на словах, что приехал человек из Кашлыка, и пусть она сама решает, стоит ей встречаться с ним или нет. А в подтверждение своих слов передай ей вот это, – и он, протянув руку к мешочку, вынул из него тонкий браслет, украшенный тремя темно-зелеными камнями.

Охранник принял браслет в свою заскорузлую ладонь, даже не взглянув на него, повернулся в сторону лагеря, откуда неслись громкие голоса воинов и слышалось мерное побрякивание выскребаемых дочиста кашеварами большими медными ковшми походных казанов. Судя по всему, ужин уже заканчивался. Об этом можно было судить и по умиротворенному гулу голосов о чем-то переговаривающихся, смеющихся, вскрикивающих, спорящих. Лагерь жил размеренной походной жизнью, и стороннему взгляду могло показаться, что воины стоят тут не первый день, а может, не день, а год и более того. Возможно, они и родились в этом самом лагере, выйдя из бронзового пламени костров, спеша занять свое место у походных казанов, усесться в круг, подобрав под себя ноги, и сидеть так из вечера в вечер, оставаясь неотделимыми от кострищ, смачно хрумкающих сочную траву коней и глухо шумящих вековых лесов, птичьих вскриков, тихого урчания реки и застывшей над ними сумрачной небесной чаши.

И ленивый охранник, стоявший возле осклизлых после недавнего дождя бревен крепостной ограды, в темном, грязном халате казался ожившим существом, вытесанным из такого же огромного кряжистого бревна.

Мухамед-Кул незаметно тряхнул головой, как бы отгоняя наваждение, и отошел на несколько шагов, чтобы не мешать Янбакты вести переговоры. Оглядевшись, он увидел лежащий у крепостной ограды огромный ствол с покрытым мхом комлем сваленной бурей березы и присел на него.

Янбакты, понизив голос, продолжал о чем-то беседовать с охранником, в ладонь которого вскоре переключал еще один браслет. Затем голубоватая связка бус, выскользнув из глубины мешочка, исчезла в той же ладони стража Девичьего городка, после чего он, словно нехотя, с вздохом вошел в городок через калитку, плотно закрыв ее изнутри.

Янбакты подошел, сел на бревно рядом с Мухамед-Кулом и тронул его за рукав. Проговорил:

– Теперь я, верно, не нужен улы патше, пойду...

– О чем мне с ней говорить? – словно испугавшись, что останется один, спросил он и тут же устыдился своего вопроса. – Ладно, там видно будет. Иди, а то голодным останешься. Если меня кто спросит, то скажи, что сплю уже. Понял?

– Понял, мой господин, – ответил Янбакты, вставая, – а у тетки своей спроси, кто истинный наследник Сибирского царства. Она должна объяснить. Должна... – И сотник, не поворачиваясь, тяжело ступая по росистой траве, направился к лагерю, оставив на замшелом стволе кожаный мешочек.

Мухамед-Кул взял его в руки, ощущая мягкость хорошо выделанной, тонкой легко мнущейся кожи, местами затертой до блеска. Мимо него бесшумно пролетела ночная птица, едва не коснувшись лица длинным крылом, и резко взмыла вверх, испуганная неожиданной встречей. Юноша тонко свистнул, и серая сова, а это была именно она, легкая, подвижная в полете и любопытная, верно, по молодости своей, тут же развернулась и скользнула вниз, приняв его свист за писк мыши-полевки. Мухамед-Кулу вспомнился подстреленный им несколько лет назад старый ворон, что сел на полумесяц построенной в Кашлыке мечети. Он тогда с торжествующим криком, гордый своим выстрелом, подбежал к нему, полуживому, поводящему могучим клювом и быошему по земле тяжелыми крыльями. Он схватился за стрелу, приподняв с земли тело птицы, но ворон грозно зашипел и защелкал клювом, уставившись круглыми темными глазами, и юноша услышал голос его: «Берегись, мы еще встретимся... Берегись...»

Конечно, он не мог слышать этих слов, но умирающий ворон был грозен, даже сраженный стрелой, не пытался, как-то делают тяжелые трусливые селезни, забраться в густую траву и

спрятаться там. Нет! Тот ворон умирал, как воин умирает перед сразившим его врагом, – гордо и с достоинством, усмехаясь пришедшей неожиданно смерти и грозя противнику отмщением.

Кто-то из старых воинов, зло выругался, оттолкнул ханского племянника от бьющегося на земле ворона и велел идти в свой шатер, а вечером возле его постели лежали две отрубленные вороны лапы и чуть загнутый вниз птичий клюв. Он подобрал трофеи и повесил над изголовьем как знак воинской удачи. С тех пор ворон несколько раз являлся к нему во сне и спрашивал грозно: «Зачем ты убил меня? Разве ты хозяин этой земли? Зачем ты пришел сюда?» – и грозно щелкал клювом, целясь ему в глаза.

Всякий раз, когда Мухамед-Кул видел пролетающих мимо птиц, вспоминал старого ворона, которому, как говорили старики, поклоняются многие роды сибирцев, убитого им. Но не было уже былой гордости и радости, убив птицу, он не мог убить воспоминания о ней.

Брякнул засов, заскрипела открываемая калитка, и Мухамед-Кул увидел тонкий силуэт женщины, шагнувшей из ворот городка. Она некоторое время постояла, вглядываясь в сумерки близкой ночи, и скорее уловила обращенный на нее взгляд, чем увидела сидевшего на бревне юношу. Сделала шаг к нему.

– Зачем ты звал меня? – напевно проговорила она, и Мухамед-Кулу послышался голос матери и еще что-то неуловимо знакомое, родное в звуках ее речи. – Почему хан каждый раз посылает жалких гонцов и никогда не приедет сам? Или он все еще боится меня? Ха-ха-ха... Хорош воин! Так передай ему, что хоть мы и одной крови, но думаем по-разному. Он убил... – И неожиданно она заплакала, закрыв лицо темным покрывалом, накинутым на плечи.

Мухамед-Кул подбежал к ней торопливо заговорил:

– Ты ошиблась. Вовсе не хан прислал меня, я тайно от него вызвал тебя. Я желаю знать эту тайну, которую все скрывают...

– О какой тайне ты говоришь, юноша? – оттолкнула она от себя его руки. – Мне ли, слабой женщине, хранить тайны, которые могут стоить жизни тысяче мужчин? И кто ты такой, придя ко мне без разрешения хана?

– Я – твой племянник, сын погибшего Ахмет-Гирея. Вот кто перед тобой.

– Мальчик мой, – прошептала Зайла-Сузге, – какой ты большой... Воин. Это твои сотни сидят у костра? Ты их башлык?

– Да, хан меня назначил башлыком и отправил в поход. – С юношеской гордостью и заносчивостью ответил тот. – И я добуду воинскую славу, и женщины будут петь о моих подвигах. И ты услышишь о них.

– В точности мой бедный брат, Ахмет-Гирей, такой же гордый и неукротимый. Но почему именно тебя отправил хан в поход? Или у него нет более опытного башлыка для битв и сражений? Ведь ты его единственный племянник и у тебя всего одна жизнь.

– У всех людей на этой земле одна жизнь, – Мухамед-Кул, словно повторил чьи-то слова, – но я мужчина, а значит, воин. Или не так?

– Воин, мой мальчик, воин, – успокаивающе проговорила она, и провела тонкими пальцами по лицу, нащупав едва пробивающиеся усы на нежной юношеской коже, коснулась его губ и, словно испугавшись этого прикосновения, отдернула руку и тихо предложила: – Лучше сядем и поговорим, если у тебя найдется время для одинокой, забытой всеми женщины. Иногда меня выпускают за ограду поглядеть на мир. Очень ненадолго выпускают. Сядем.

Они подошли к темнеющему у ограды бревну и сели неподалеку друг от друга, случайно встретившиеся родные по крови люди. Мухамед-Кул нащупал кожаный мешочек, оставленный ему сотником, и протянул робко Зайле-Сузге.

– Прими на память о нашей встрече.

– Что это? – спросила она, с готовностью взяв мешочек, и пробежала пальцами, ощупав его. – Женские украшения, – проговорила разочарованно, – к чему мне они? У меня нет мужа, который бы увидел на мне и обрадовался красоте их. Разве что подарю девушкам моим, кото-

рые помогают переносить одиночество. И будет что дать охранникам, чтобы почаще выпускали погулять...

– За какую вину обрек тебя хан на одиночество? – тихо спросил Мухамед-Кул. – Чем ты провинилась перед ним?

– Всего лишь тем, что стала женой человека, которого он убил. Мать сына, законного наследника ханства Сибирского. Не будь я его сестрой, он давно бы нашел способ избавиться от меня.

– Чья ты жена? – с удивлением переспросил Мухамед-Кул. – Повтори и расскажи подробнее. Ведь я ничего не знаю и только сегодня узнал, что у моего отца была сестра. Узнал и про Девичий городок. Я готов слушать тебя столько, сколько нужно.

– Долгий то будет разговор, – усмехнулась Зайла-Сузге, – сотни не станут тебя ждать и найдут другого башлыка.

– Я их башлык, и без меня они не тронутся с места. Будут ждать хоть год, хоть два.

– Не будь так самоуверен, мой мальчик. Ты еще не испил чаши предательства, и слава Аллаху. Мой муж, Бек-Булат, тоже верил своим воинам, но оказалось достаточно одного подлого человека, чтобы лишить его жизни, а его сына – отца. Так слушай, если ты уже воин и мужчина. Слушай, чтобы узнать всю правду от меня, а не из чьих-то лукавых уст.

Долог был рассказ Зайлы-Сузге о том, как она попала в Сибирь, как стала женой хана Бек-Булата и родила ему сына, наследника Сибирского ханства. Только обошла она стороной в своем рассказе то, самое сокровенное, чего никому и знать-то не положено, а родному племяннику тем более, о Едигире, которого не могла выбросить из своего сердца, как ни старалась.

– Значит, у меня есть еще один брат, – задумчиво произнес Мухамед-Кул, зябко поеживаясь от ночной прохлады. Начало уже светать, и он отчетливо видел проступающие сквозь туман контуры деревьев, тонкий дымок от угасающих костров лагеря, где дремала утомленная ночным бдением стража.

– Только не знаю, жив ли он, – всхлипнула Зайла-Сузге, – верно, сильно я провинилась перед Аллахом, коль послал он на мою несчастную голову столько бед. Даже весточки о нем не имею.

– Так, может быть, он здесь, где-то рядом? И тоже не знает, как отыскать тебя? Я обязательно разузнаю о нем и сообщу тебе, обещаю.

– Спасибо за доброе слово, но, боюсь, нелегко это будет сделать. Слышала я, что увезли его в Бухару и держат там, как заложника. Но верен ли тот слух... Наговорить могут всякого.

– Я найду предлог, чтобы отпроситься у хана в Бухару. Я разыщу своего брата.

– И не пытайся. Если хан заподозрит что недоброе, ушлет тебя в глухие места. Сибирь велика...

Неожиданно их разговор был прерван чьим-то глухим покашливанием, и Мухамед-Кул тут же вскочил, ухватившись за рукоять кинжала.

– Да не пугайся, а то и я испугаюсь, – послышался из тумана старческий голос, – я мирный человек и зла никакого не сделаю.

– А... Это рыбак Назис, – шепнула юноше Зайла-Сузге, – он часто приходит ко мне, приносит свежую рыбу. От него и узнаю обо всем.

Назис, слегка прихрамывая, подошел ближе и, почтительно поклонившись, положил на траву несколько серебристых рыб, еще сонно взмахивающих хвостом и шевелящих жабрами.

– Прими, хозяйка Девичьего городка, мои дары. Поди, такой рыбкой тебя тут и не потчуют. А?

– Да какая же я хозяйка, – грустно проговорила та, – будто сам не знаешь, что под стражей сижу и лишь изредка выхожу за проклятые стены. Видать, до самой смерти мне тут жить...

– Эй... Зачем так говоришь? Моя старуха сколь лет из землянки не выходит, ослепла совсем, а что она в плену, что ли? Хозяйка. Правда, нашего жилища всего лишь. А тебя видишь,

какая стража стережет, опекает. Дорогая, значит, ты птица, что столько людей вокруг тебя живут, от врагов заслоняют, кормят, поят, девушки песни поют.

– Да я бы лучше в твоей землянке жила, дым глотала, чем за этими стенами невольницей быть.

– Да где ты ее, хорошая моя, волю-то видела? Птица в лесу и та одна погибнет, сгинет. Где воля, а где неволя – нынче не разобрать. Так я говорю? – обратился старый рыбак к Мухамед-Кулу. – Ты вот вольный человек?

– Вольный. Какой же еще? – не задумываясь ответил тот.

– Неужто и хану нашему ты не подвластен? – округлил свои слезящиеся с хитринкой глазки Назис. – Первого человека в наших краях встречаю, чтобы в отлучке от хана жил. Как тебя зовут, скажи старику, чтобы всем передал, рассказал, поведал.

– То мой племянник, Мухамед-Кул, – ответила за юношу Зайла-Сузге.

– А-а-а... Стало быть, родной племянник нашему хану? – удивленно протянул тот. – А сам хан-то живой еще или ты уже его шатер занял?

– Живой хан, – смущенно ответил юноша, поняв, в какую ловушку заманил его невзрачный с виду старик, – но я живу сам по себе. Хан мне и не указ.

– Значит, два хана теперь у нас. Войны ждать надо, – всплеснул руками старик, – вай-вай, опять воевать станут. Опять бедный Назис голодный будет, когда лодку отберут.

Мухамед-Кул чувствовал издевку в каждом слове, произносимом старым рыбаком, но не было за что зацепиться, на что обидеться, и он лишь наливался гневом, зло покусывая губы и сверля старика взглядом исподлобья.

– Хватит, Назис, – неожиданно вмешалась Зайла-Сузге, – ты добрый человек и не нужно злить другого. А то из доброго человека он может превратиться в волка. Он же не виноват, что родился от своего отца, чей брат хан Сибири. К тому же Мухамед-Кул обещал отыскать моего сына, отправиться за ним в Бухару.

– Ой, какой человек оказывается твой племянник! Как зовут, говоришь? Мухамед-Кул? Рука пророка, по-нашему, значит. Пусть сбудется то, о чем он задумал, пусть стрелы врагов минуют его, пусть конь его любую дорогу одолеет, пусть болезни пролетят мимо него; пусть мать сына себе вернет.

– Ладно, Назис, – прервала его Зайла-Сузге, – ты бы лучше подсказал, как ему до Бухары добраться.

– О чем ты говоришь, кызы патша, свет очей моих?! Разве старый Назис на своем челноке плавал туда? Или с купеческим караваном ходил? Не тебя ли много лет назад, царица моя, привезли оттуда? Не там ли родился твой племянник? Почему старого Назиса о дороге в Бухару спрашиваете, когда ее лучше меня знать сама должна?

– Когда меня по той дороге везли, то я больше о смерти думала, а Мухамед-Кул совсем мальчиком был. Никто и не знал, что дорогу обратно спрашивать будем.

– Тогда я вам вот что скажу: нельзя ему одному в дальний путь отправляться. Может, добрый человек и подскажет, куда идти, ехать, да только разбойников нынче много вокруг развелось, так и рыщут, с коня путников ссаживают, голову с плеч снимают. Рассказывал мне мой родич, а ему кто-то из купцов говорил, что без сотни воинов ни один караванщик в путь не отправляется.

– И я о том же слышал, – подал голос молчавший до сих пор Мухамед-Кул, – совсем редко в Кашлык караваны приходить стали.

– Вот, о чем и толкую. Пропадешь зазря. И сына госпоже нашей не сыщешь, и сам назад не вернешься. Еще больше она печалиться станет, что на верную смерть тебя спроводила.

– Прав старый Назис, – провела тонким пальцем по переносью Зайла-Сузге, – тебе нужно сотню воинов с собой брать, а для того деньги нужны немалые. А лучше всего с караваном идти. Самый безопасный путь.

Мухамед-Кул собрался было что-то ответить, но тут со стороны лагеря послышались торопливые шаги, и к ним подбежал запыхавшийся Янбакты, понизив свой с хрипотцой после сна голос, заговорил:

– Там Карача-бек тебя спрашивает.

– Что случилось? – глянул на него с беспокойством Мухамед-Кул.

– Мне ничего не сказал. Ты им нужен, мой господин.

– Берегись этого человека, – испуганно вскрикнула Зайла-Сузге, – он очень коварен и хитер, как лиса.

– Правильно говоришь, кызы патша, – закивал головой Назис, – не так в наших краях хана бояться, как его визиря. Никто не знает, что у него на уме. Он ни с кем не дружит, ни к кому в гости не ездит. Опасный человек!

– Ладно, прощайте, – уже на ходу, полуобернувшись, бросил Мухамед-Кул, – я приеду за тобой, и мы найдем твоего сына. – И, уже не оборачиваясь, он пошагал в сторону лагеря, сбивая на ходу правой рукой верхушки цветов, разросшиеся с обеих сторон тропы. Следом, пытаясь попасть в шаг со своим господином, семенил Янбакты, бросая взгляды по сторонам, словно там кто-то притаился и мог напасть на них.

Оставшись одни у стен Девичьего городка, Назис и Зайла-Сузге тоже почувствовали неясную, как бы нависшую над головой опасность и смотрели вслед уходящим воинам, будто прощались с ними навсегда.

– Пошли ему, Аллах, удачу, – прошептала Зайла-Сузге и, подхватив лежащую на траве рыбу, махнула рукой Назису и скрылась в проеме калитки. И Назис, не простившись, поковылял к реке, где оставил свою лодку.

* * *

Карача-бек выехал из Кашлыка на день раньше Мухамед-Кула с его сотнями. Но едва скрылись за густым ельником дозорные башни ханской ставки, повернул в сторону городка Соуз-хана. Кучум не давал такого распоряжения, но и не сказал, что нельзя этого делать.

«Он послал меня в Казань, и рано или поздно я там буду. Но хан дал слишком мало золота для покупки снарядов огненного боя. Да еще и мастеров нужно на что-то нанять. Не силком же их брать... Впрочем, дело покажет. – Рассуждал он, оглядывая два десятка навьюченных коней и десять человек воинов, что сопровождали его в дальний путь. – К тому же есть у меня в Казани и свой интерес, о котором нашему хану знать совсем не обязательно. Хан хорош, пока ты ему нужен. А появится другой визирь и придется возвращаться в свой собственный городок в рваном халате и на загнанной кляче. Умный человек должен думать о будущем своем и своих детей...»

Когда показались стены городка Соуз-хана, Карача-бек уже придумал, как поведет себя с хозяином, чтобы он согласился на поездку в Казань.

Соуз-хан лежал на низком помосте абсолютно голый, а двое слуг носили в медных кувшинах теплую воду и лили на него. Двое других скребли тела Соуз-хана костяными скребками и терли свежим мочалом, посыпая время от времени золой, смешанной с бараньим жиром и слегка сдобренной пахучими маслами. Потом один из мойщиков вскочил на спину своего господина босыми ногами и начал топтать того, как месят глину, надавливая время от времени пятками на самые чувствительные места.

Соуз-хан только стонал и глухо охал, приговаривая:

– Пожалей меня, собачий сын, не пинай так больно. Ой-ой, не надо! – и пытался сбросить с себя беспощадного слугу, но второй, держал хозяина крепко за ноги, навалившись при этом всем телом на брыкающегося и дрыгающего толстыми ляжками Соуз-хана, не давал ему сбросить

с себя мойщика. И неизвестно в чью бы пользу закончился этот неравный поединок, если бы не вбежавший в ханские покои нукер закричал:

– Хозяин, тебя спрашивают у ворот какие-то люди!

– Кто они? – неожиданное сообщение придало силы распластанному на помосте Соуз-хану, и он неимоверным усилием вырвал сперва одну ногу из объятий слуги, лягнув его пяткой в зубы, легко скинул другого мойщика, топтавшего спину, и, тяжело дыша, встал на ноги:

– Брысь отсюда! – приказал мойщикам, катавшимся по мокрому помосту. Те, придерживая ушибленные места, без оглядки бросились вон, но вслед им донеслось: – Каждому по двадцать плетей, чтобы знали, как вести себя со своим хозяином. И быстро одежду мне!

Полуодетый хозяин городка поспешил к воротам и, забравшись по лестнице на самый верх крепостной башни, глянул вниз. Увидев лишь небольшую горстку людей, которые не собирались брать штурмом его владения, радостно выдохнул:

– Тьфу ты! Вроде как не разбойники. Но и не купцы. Поклажи у них маловато. Может, от хана. Кто будете? – крикнул он тонюсенько, не спеша, впрочем, высовываться над стеной, опасаясь предательски пущенной стрелы.

– Соуз-хан не узнал ханского визиря? – ответили снизу.

То был явно голос Карача-бека с издевательской одному ему присущей интонацией. Наконец Соуз-хану удалось разглядеть ханского визиря, сидящего на низкой серенькой лошадке в простых одеждах.

– Не может быть! Кого я вижу! Сам Карача-бек к бедному затворнику пожаловал! – напуская побольше радостного оживления, запричитал Соуз-хан, однако не спеша спускаться вниз и не подавая стражникам знака открывать ворота. – Что привело достойного наместника нашего хана заглянуть в мое скромное жилище?

– Так и будем переговариваться через стену? – крикнул в ответ потерявший терпение визирь. – Или доложить хану, как ты встречаешь его верного слугу? Перестань дрожать, как собачий хвост! А то сейчас поверну обратно.

Верно, последний довод подействовал более всего, поскольку хозяин городка буквально скатился по лестнице вниз и бросился к воротам, размахивая то ли от страха, то ли от прилива верноподданнейших чувств руками. Пола его халата при этом распахнулись, и так, полуголый, он выскочил навстречу прибывшим гостям уже въезжавшим по узкому мостику внутрь городка.

– С бабы, что ли, только что соскочил? – проговорил вполголоса Карача-бек, с презрением и насмешкой поглядывая на встречающего хозяина с вытаращенными от усердия и натуги глазами. Он громко поздоровался с ним, пожелав здоровья, осведомившись о самочувствии жен, детей, родственников.

Соуз-хан, придерживая стремя, помог визирю сойти с коня и только теперь заметил, что стоит перед ним почти голый в развевающемся на ветру халате и, ничем не прикрытым животом. Впрочем, его живот, доходивший почти до колен, делал практически ненужным ношение штанов, прикрывая своими складками наиболее неприличные места тела.

Карача-бек, морщась, отводил глаза в сторону, но это мало помогало, тогда он крикнул со смехом:

– Ты, Соуз-хан, или запахнись, или сходи, оденься. Я замуж за тебя не собираюсь, что голышом передо мной скачешь?

До того дошло, что он действительно не в самом лучшем виде предстал перед важным гостем, и он, запахнув обеими руками халат, кинулся в свой шатер, на ходу приказав начальнику стражи провести гостей в стоящий на взгорье особый праздничный шатер.

Когда гости допивали уже вторую пиалу кумыса, появился Соуз-хан, прибранный и разодетый, как будто в самом деле жених накануне свадьбы. Его крашенная хной борода была тщательно завита, красные сапоги с высокими загнутыми вверх носами сверкали и чуть поскри-

пывали, а халат сказочной красоты и богатства, изукрашенный дивными птицами, навряд ли носил кто-либо по всей Сибири.

– Вот теперь я вижу, что хозяин рад гостям, – пряча усмешку, проговорил Карача-бек. – Извини, пожаловали без предупреждения.

– Зачем такие слова говоришь? Мой дом – твой дом. Приезжай, когда захочешь и живи, сколько хочешь, уважаемый.

– Сколько хочешь не получится. Я к тебе для серьезного разговора приехал. Но за приглашение, спасибо. Нам сейчас особо надо держаться друг друга. Согласен?

Услышав это, Союз-хан мигом сообразил, что ханский визирь приехал совсем не с ханским распоряжением, а по своим делам. И смекнув, предложил:

– Не пройти ли нам с тобой, знаток мыслей великого хана и правая рука его меж нами смертными, в мой шатер, где мы сможем спокойно поговорить. А прибывшие с тобой пусть пьют и едят, сколько пожелают. Моих запасов хватит еще на сотню гостей.

Карача-бек согласно кивнул, и они перешли в шатер Союз-хана, куда уже принесли на медном подносе богатое угощение. Дождавшись, пока Карача-бек подкрепитя, Союз-хан шепотом осведомился:

– Здоров ли наш хан?

– Вполне здоров и нам того же желает, – также шепотом ответил гость, стрельнув в собеседника черным прищуром хитрых глаз.

– Не напали ли враги на его ставку? – все тем же шепотком, слегка втянув голову в плечи, расспрашивал гостя хозяин.

– Да успокойся ты, – махнул в его сторону рукой Карача-бек, – если бы чего случилось, то не сидел бы я тут и кумыс твой не пил. Плохие вести имеют длинные ноги. Или не знаешь о том?

– Ты был у меня два лета назад, когда ехал в Бухару. Но тогда с тобой был целый караван и любой бы понял, что достойный человек едет в дальние края. А сейчас... сейчас я ума не приложу: то ли ты едешь куда, то ли бежишь от ханского гнева...

– И все одно принял меня...

«Попробуй-ка не принять. – Союз-хан про себя усмехнулся. – Уж мне-то известна хитрость, на которую ты способен. В роще неподалеку отсюда до сих пор белеют кости нукеров, которых ты приказал казнить на моей земле. Люди решили, что это моих рук дело. А что ты задумал теперь? Чего отмалчиваешься? Моя бы власть... Подвесил бы тебя в той самой роще за одно место...»

– Не буду скрывать, что я и сейчас отправляюсь в дальний путь, – прервал его мысли Карача-бек, – а потому и заехал к тебе. Посоветоваться, – добавил через паузу, – твой совет нужен. Понимаешь?

«Советовался волк с овцой, как до весны дожить, да вышло, что вдвоем им никак не дотянуть. Волк-то дожил, а от овцы лишь шкура осталась и та сгнила».

– Слушаю тебя, мудрый человек. Зачем меня обижаешь, когда с тобой сам великий хан совет держит, а ты к слабому умом человеку приехал. Когда такое было, чтобы хозяин со своим рабом советовался? Я что-то не припоминаю...

– Не прибедняйся, Союз-хан, не так ты прост, как кажешься. Стоит посмотреть на твой халат, чтобы понять, какие богатства в сундуках хранишь. А я не верю, чтобы богатый человек умом скуден был. Знаю, сколько караванов шлешь ты каждый год на восточные базары. Стада твои пасутся не на здешних лугах. Коням своим ты, верно, счета не ведешь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.